

ПИСЬМА К А. Я. ТАИРОВУ И А. Г. КООНЕН

1942—1943 гг.

Предисловие и публикация Ю. А. Красовского

Будущему историку Великой Отечественной войны трудно будет представить себе Ленинградскую эпопею без деятельности Вишневого-политработника, ведущего самоотверженную работу на передовых позициях, и Вишневого-писателя, работающего за письменным столом дни и ночи напролет, под гул вражеской канонады. Читая письма Вишневого из Ленинграда 1941—1943 гг., мы всегда ощущаем в них дыхание войны, суровую и жестокую правду блокады, частицу подлинной жизни ленинградцев тех героических лет. Среди этой «ленинградской» переписки письма Вишневого к А. Я. Таирову и А. Г. Коонен выделяются значительностью содержания и широким охватом событий. Это естественно и понятно, ибо для Вишневого Таиров был одним из наиболее близких людей, человеком, который вместе с ним десять лет тому назад, в 1932—1933 гг., создал лучшее театральное воплощение его «Оптимистической трагедии». И в свою очередь, для Таирова Вишневский олицетворял знаменательный период творческого пути Камерного театра. «Для меня как руководителя Камерного театра, театра прежде всего героико-романтического, — писал Таиров, — встреча с драматургом Вишневым явилась одним из самых счастливых и плодотворных событий творческой жизни» (А. Таиров. Новое в трагедии. — Сб. «Писатель-боец». М., 1963, стр. 95).

В публикуемых письмах находит свое отражение не только жизнь и борьба осажденного Ленинграда, но и театральная-литературная работа Вишневого в эти дни, его взаимоотношения, его творческое содружество с Камерным театром. В этом, может быть, главное отличие этих писем от известных дневников Вишневого 1942—1943 гг., вошедших в его собрание сочинений, где литературно-театральная тема звучит более приглушенно.

Ленинградские годы были очень плодотворными для Вишневого-писателя. Помимо огромного количества статей, очерков, радиовыступлений, листовок, Вишневский написал две пьесы, посвященные ленинградской блокаде, — «Раскинулось море широко» (в соавторстве с А. Кроном и Вс. Азаровым) и «У стен Ленинграда». После долгих лет перерыва, когда Вишневский работал главным образом в кино, он теперь вернулся к театру, к драматургии. И его письма к Таирову в значительной своей части посвящены созданию и сценическому воплощению этих двух пьес, первой — в Ленинградском театре музыкальной комедии, второй — в театре Краснознаменного Балтийского флота.

Сами по себе эти постановки в осажденном Ленинграде, в условиях голода, холода, беспрестанных обстрелов, представляют факт совершенно исключительный. И это очень хорошо показано Вишневым в его письмах. Эти же письма свидетельствуют, что Вишневскому приходилось сталкиваться с трудностями не только блокадного, но и иного характера. Если «Раскинулось море широко» — пьеса, созданная в очень короткий срок (фактически в две-три недели), легко и безболезненно была доведена до премьеры, которая явилась радостным праздником для всего Ленинграда, то у другой пьесы — решенной автором в плане высокой патетической трагедии — судьба была иная.

Ее премьера в 1943 г. была отменена. От Вишневого потребовали переделки пьесы, поставив ему в вину ее якобы мрачность, трагедийный тон, перевес отрицательных персонажей и т. д. Весной 1944 г. спектакль «У стен Ленинграда» был выпущен в новой, «смягченной» редакции, существенно отличавшейся от первоначальной. В таком же виде пьеса появилась в печати. Текст первоначальной редакции сохранился в архиве Вишневого. Можно думать, что она привлечет внимание историков советской литературы и деятелей советского театра. И это не только позволит яснее представить творческую историю пьесы, но и приведет, возможно, к возобновлению сценической жизни этой пьесы Вишневого.

Почти параллельно с работой в Ленинграде готовилась постановка обеих этих пьес в Камерном театре — сначала в Барнауле (куда был эвакуирован театр), потом в Москве. И эти постановки готовились в тесном контакте с автором. Находясь за несколько тысяч километров от Камерного театра, Вишневский хотел активно участвовать в создании каждого из спектаклей. Единственным способом для осуществления этого была переписка с Таировым. Вот почему письма Вишневского очень полно раскрывают замысел обеих пьес, содержат их подробнейший анализ (и что самое ценное — анализ с авторских позиций), в них дается детальный разбор и оценка ленинградских постановок, и советы об использовании Камерным театром некоторых найденных в Ленинграде сценических решений. В ряде случаев Вишневский излагает развернутые планы постановок в целом или отдельных сцен, пишет о поисках наибольшей выразительности — и это превращает многие из публикуемых писем в своеобразные режиссерские партитуры. Трудно переоценить поэтому все значение этих писем для изучения драматургии Вишневского и истории театрального воплощения его пьес.

Работа Камерного театра над пьесами Вишневского продолжалась и в 1944—1945 гг. — после возвращения театра в Москву и после переезда Вишневского из Ленинграда. В письмах Вишневского этих последних военных лет имеется немало интересных высказываний, как бы завершающих историю постановки Камерным театром «ленинградских» пьес Вишневского. Поскольку письма 1944—1945 гг. не входят в настоящую публикацию, эти высказывания собраны и прокомментированы в послесловии к нашей публикации.

Хотелось бы отметить здесь еще один существенный момент. Письма Вишневского важны не только как исторический документ, ярко характеризующий один из напряженнейших периодов нашего недавнего прошлого, но и как документ литературный, удивительно полно и своеобразно отражающий творческий облик самого писателя, его стиль и язык. Невольно на память приходят слова А. Я. Таирова: «Осуществляя постановку пьес Вишневского, мы всегда стремимся не только играть текст, который зафиксирован, порой размашисто и броско. За этим текстом, неизменно несущим живое ощущение интересов и требований сцены, мы ощущаем жаркое дыхание жизни, мы слышим симфонию Большой земли. Мало того — мы неизменно слышим голос, интонацию, дыхание самого Вишневского. Вот почему, работая над его пьесами, я всегда предлагаю актерам играть не только пьесу, но и <...> самого Вишневского, великолепная творческая и гражданская индивидуальность, самый боевой дух которого проявляется в драматургии с такой прекрасной, живительной силой» («Писатель-боец», стр. 98).

Этот же голос самого Вишневского, его патетическую интонацию, его живое дыхание мы слышим, чувствуем и в каждой строке его писем. В этих письмах мы ощущаем романтический пафос художника-гражданина, неистовый темперамент публициста-бойца, понимаем широту его философских и политических идей. Письма Вишневского написаны с такой силой вдохновения, что это делает их своеобразным литературным памятником эпистолярного искусства, не уступающим по своей выразительности многим его художественным произведениям.

Письма Вишневского публикуются по подлинникам, хранящимся в ЦГАЛИ (ф. 2328, А. Я. Таирова, ед. хр. 800, 801 и 802). В публикацию не включено несколько писем менее значительных по содержанию, дублирующих в той или иной степени печатаемые письма, а также не связанных с основной тематикой переписки с А. Я. Таировым.

Почти все письма Вишневского из Ленинграда написаны на бланках с печатным заголовком: «Политическое управление КБФ. Оперативная группа писателей». В тексте публикуемых писем это не оговаривается. Для писем Вишневского характерны сокращенные написания многих слов; все такие слова дополнены в публикации без оговорок; ломаные скобки даются только в случаях, когда чтение является предположительным.

КАДР ИЗ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ФИЛЬМА «ЛЕНИНГРАД В БОРЬБЕ»
Сценарий В. В. Вишневецкого. Ленинградская студия кинохроники, 1942
Центральный архив кино-фото-фонодокументов, Красноярск

1

2 июня 1942. Ленинград

Дорогой Александр! Дорогая Алиса!

Открытка придет, видимо, к годовщине нашей встречи, которая была в первые дни войны...¹ Я умчался в теплушке, стоя, без вещей...

Ну, прошел год. Пережито больше, чем за прошлые войны. Веду дневник (пишу уже восьмую книгу). Слышал о ваших успехах, трудах, о том, что театр живет дружно². Это хорошо. Из войны надо выйти с закаленной и очищенной душой... Писал тебе через друзей в Красноярске. Получил ли? Софья Касьяновна делит со мной все ленинградские дела. Сейчас она в Кронштадте, на передовых³. Молодец. Я еду тоже на участки.

Привет театру, успехов, энергии! Победа будет наша! Видели бы вы наш Ленинград, гранитное его упорство... Целую!

Вс. Вишневецкий

Пишите! Привет от всех писателей Балтийского флота.

¹ Вишневецкий встретился с Таировым и Коонен вечером 25 июня 1941 г. (см. выше, письма к С. К. Вишневецкой, п. 1). В тот же вечер Вишневецкий выехал из Ленинграда в Таллин.

² Камерный театр в октябре 1941 г. эвакуировался из Москвы сначала в Балхаш, а потом (с 11 апреля 1942 г.) в Барнаул, где 2 мая состоялся первый спектакль.

³ О С. К. Вишневецкой см. выше, стр. 194 настоящ. книги.

2

Ленинград. 26 июля 1942 г.

Дорогой, милый мой Александр!
Дорогая, милая Алиса!

Получил числа 14 июля твое письмо и Алисы, посланные 28 июня¹. Обнимаю. Спасибо... Ответить могу только сейчас... Сегодня День Флота...

Вчера под некоторый артиллерийский гул в Доме Красной Армии на вечере, посвященном Балтийскому флоту, шел фронтовой вариант «Оптимистической трагедии»...² На музыке — диалоги старшин, сзади хор (!)... Старшины сжато передают (мимируя, играя и пр.) трагедию полка... Обращение в зал, слитность того поколения и этого, слитность ситуаций (окруженный полк, осажденный Ленинград) — потрясающая... Я сидел в необыкновенном состоянии, вспоминал лето 1932 г. (10 лет уже прошло!), свое горение, твои письма с другого моря, потом всю нашу невероятно упорную борьбу за творчество, за спектакль... Триумфы: Москва, Прага, Мадрид, Владивосток...³

На гибели комиссара — песнь... Ее пели 28 августа 1941 г. *утопающие*... Она у меня в ушах... Черная ночь, взрывы, отблески пламени над морем, мы пробиваемся, как черти... Гибнущие поют... Это было выше всех романтических фантазий... Поют, уходя в воду... Плывущие. Поют на гибнущем транспорте — страстно, последней силой сердца, легких...⁴

Ну, разве опишешь тут всё, что видели глаза мои за 13 с четвертью месяцев войны! Записи — в десяти толстых тетрадах. Они со мной везде... и тонули, и горели, и замерзали в ком... <...>

Я излазил за эти месяцы всё — от лесов Эстонии до финской границы и Ладogi... Был от Смольного до снайперской точки, от Адмиралтейства — до подводных лодок — везде... Удержит ли память всё, что видел и понял я?..

Ну и родимый Ленинград! Ну и силища! Ну и люди!.. В последние дни на двенадцатом месяце осады рванули в атаки... На месте положили три немецких батальона... И к празднику флота пленных водили по улицам. Женщины чуть не порвали этих «фрицев», небритых, грязных, вшивых, в эрзац-кацавейках... И это Европа?! Хотели в Ленинград — вот они и «попали»... Мы выжали из остатков этих батальонов полезные сведения... Некоторые пленные понуро твердят: «Нам нужно пространство... Но о Ленинграде страшно и подумывать... (Мы им дали такой огонь, что иные взяты оглохшими.) Зима? Зимы новой не выдержат... Должен быть мир... Англия и США?.. Не знаю, как-нибудь, но мир, мир...» — Стоят, выпучив глаза, разномастные арийцы: от 20 до 40 лет, эти типы, мелкокалиберные посетители публичных домов.

Город в огородах... Впиваемся зубами в первую редьку, брюкву. Ласкаем листья капусты, как грудь женщины... Строим. Копаем. Чистим... Льем металл (им и глушим немцев). Заготавливаем торф, дрова... Делаем к зиме отопления... Делаем художественные выставки. Сегодня вернисаж... Есть прекрасные акварели, гуаши... Софья Касьяновна дала исключительно сильные гуаши: «Форты ведут стрельбу»... Ходила на шлюпку и зарисовывала; как раз во время налетов и боев — и уловила оттенки, суть...⁵

Работы много... Дойдет до вас фильм «Ленинград в борьбе» — увидите... (Как обычно и тут киноправы сказались... Сделал для фильма максимум (монтаж-план!), но... Ну, бог с ними, товарищами из Кинокомитета и др.)⁶

Наползают темные ночи — август, осень... Тверже шаг, упорнее, яростнее!.. Выматывать немцев нещадно, бить их без устали!.. Распатывать им нервы, отравлять их души, сбивать планы... Всё от нас зависит. Делаем, что можем...

Всяческого вам успеха; здоровья; бодрости. Обнимаю, пью чарку за родной театр! (К празднику бог послал водки...) Привет коллективу, Богатыреву!..⁷

Пьеса Тевелева⁸ вам послана театром КБФ по моему указанию. Получили ли? Мнение?

Да, был здесь А. Фадеев, месяца два. Я ему показал многое, окунул

в окопы и пр. Он неузнаваемо изменился ко мне... Впервые за 12 лет как-то разглядели друг друга...⁹

Пишите! Верю в хорошую встречу, в Москву, в победу упорных советских людей... Юг обязан учиться у Ленинграда и Москвы.

Ваш Вс. Вишневский

Р. С. Для Алисы вкладываю лепестки ленинградских роз...
В.

¹ Письма Таирова и Коонен от 28 июня 1942 г. в архиве Вишневецкого не сохранились.

² Вишневский имеет в виду сокращенную редакцию «Оптимистической трагедии», сделанную им в 1941 г.

³ В 1932 г. Камерный театр работал над постановкой «Оптимистической трагедии» (премьера — в 1933 г.). Вишневский принимал самое активное участие в этой работе театра. Во время поездок по Советскому Союзу и зарубежных гастролей Камерного театра «Оптимистическая трагедия» пользовалась неизменным успехом. Но сначала постановка «Оптимистической трагедии» вызвала оживленную дискуссию в печати: некоторые критики (особенно из бывшего рапповского лагеря) утверждали, что жанр трагедии противопоставлен советскому театру, предъявляли Вишневецкому обвинение в символизме, в ходульности и т. п.

⁴ Вишневский имеет в виду трагический переход кораблей Балтийского флота из Таллина в Кронштадт в августе 1941 г. (См. об этом выше в письмах к С. К. Вишневецкой, а также в военных записях А. К. Тарасенкова.)

⁵ Выставка работ ленинградских художников была открыта ко дню Военно-морского флота — 26 июля 1942 г. Гуаши С. К. Вишневецкой, о которых пишет Вишневский, сейчас хранятся в ЦГАЛИ, в фонде С. К. Вишневецкой.

⁶ Документальный фильм «Ленинград в борьбе» (режиссеры Р. Кармен, В. Соловцев, Н. Комарцев, Е. Учитель) был выпущен на экран в июне 1942 г. «Правда» назвала его «замечательным достижением документального киноискусства», «живой страницей Великой Отечественной войны». Вишневецким был написан сценарий фильма, но это в титрах не было оговорено.

⁷ Александр Зиновьевич *Богатырев* — управляющий труппой и режиссер Камерного театра; с 1941 г. до ликвидации театра — его директор.

⁸ О пьесе Тевелева говорится и в телеграмме, посланной Вишневецким Таирову в Барнаул: «Просимую пьесу Тевелева самостоятельного типа вышлю». В архиве Камерного театра, хранящемся в ЦГАЛИ, этой пьесы нет.

⁹ О взаимоотношениях Вишневецкого и Фадеева пишет в своих воспоминаниях А. Штейн: «Фадеев, относившийся до войны к Вишневецкому, насколько мне известно, с долей предубеждения, вызванной не только иным художественным видением, но, главное, неверным внешним представлением, — тогда, в блокаду, сумел, отбросив прочь привычную, проржавевшую бирочку, разгадать Вишневецкого как личность, оценить индивидуальность» («О Вишневецком и не только о нем» — Сб. «Писатель-боец», стр. 315). Об этом см. также в книге А. Штейна «Повесть о том, как возникают сюжеты». М., 1965, стр. 124—127.

3

15 сентября 1942 г.

Целую, дорогие Александр и Алиса!

Балтика дала залп: ваш покорный слуга и неизменный друг написал после «Оптимистической» — «героическую комедию»... «Раскинулось море широко»¹. (Старик Всеволод Вишневский для театра решил постараться, хотя перерыв у него вышел ровно в 10 лет!! О, ужас! — Кино, кино, отдай мне мои годы!..² Не отдашь, сам возьму.) Словом — есть трехактная, зубастая, пьеса нового типа, где скрещены комедия и драма... (Это твои любимые линии, как и у меня...) Материалом я полон — и к 25-летию решил кое-что выдать...

Не буду рассказывать ничего о сюжете.... Но это осажденный Ленинград, лихой, *флотский*, чекистский. Дано 15 ролей на первый и второй планы плюс мои массовки. В центре *женщина* (Алиса, клавируюсь...³) Ситуация у нее — беспрецедентная в советской драме.

12 сентября в зале заседаний (главное фойе — балкон бывшей Александринки) пьесу я прочел. Алый бархат, столы, зеленые лампы... Просто

конгресс! Был Военный Совет, горком, Ленинградский Комитет искусств, пресса, актив труппы etc.

Читал с огромным подъемом: в осажденном родном городе — пьеса о людях города (с рядом исторических подтекстов)... Слушатели ржали, внимали, во втором акте плакали, потом опять ржали и пр.

Об этом происшествии и докладываю. Не знаю — чем именно ты занят, но *Ленинграду и флоту* ты, надеюсь, время посвятишь — и сделаешь во имя них спектакль... Кислые схемы драм(атургов)-тыловики мне надоели.

Обнимаю: не как в 1932, через моря, а через горы.

Всегда твой Всеволод

Р. С. А. Крон и поэт Азаров помогли сделать необходимые места, песни...⁴

В.

¹ Музыкальная комедия «Раскинулось море широко» была написана Вишневым, А. Кроном и Вс. Азаровым по заданию Военного Совета Балтийского флота. История этого задания подробно изложена в воспоминаниях Н. Янета «Раскинулось море широко» (сб. «Писатель-боец», стр. 220—221). Работа над пьесой началась во второй половине августа и закончилась вчерне к 4 сентября. В дневнике Вишневого содержатся многочисленные записи об этой работе (см. т. III, стр. 561, 584—585, 591, 593, 598, 616 и др.).

² Вишневы имеет в виду свою работу в кино в 30-е годы. В дневнике 4 сентября 1942 г. он записал: «Десять лет я не писал пьес. Всё отдал кинематографии. Сколько она сожрала моих сил! Куда делись „Мы, русский народ“, „Первая Конная“, „Бессарабия“? Хорошо, что хоть „Мы из Кронштадта“ и „Испания“ вышли на экран» (т. III, стр. 601).

³ В телеграмме Вишневого, посланной Таирову, есть следующие фразы: «Написал героическую комедию. Вышло. Алисе есть роль» (ЦГАЛИ, ф. 2328, оп. 1, ед. хр. 801, л. 38).

⁴ Вс. Азаров вспоминал об этой совместной работе: «Писали мы сообща, дружно, обменивались написанным. Земляка, героя-моряка одессита, сражающегося у стен Ленинграда за свой родной город, ввел в пьесу я. Старый боцман, Елена — комсомолка с Выборгской стороны, храбрая разведчица, пришли в пьесу с Вишневым. Сердце — командир береговой базы Чижев, молодые матросы рождены Кроном. А потом они так перемешались в общем творческом горниле, что отделить что-либо написанное кем-то порознь стало уже совсем невозможно» (сб. «Писатель-боец», стр. 197). Но в основном можно считать, что первый акт написан Кроном, второй и третий — Вишневым, тексты песен — Азаровым.

4

22 сентября 1942 г.

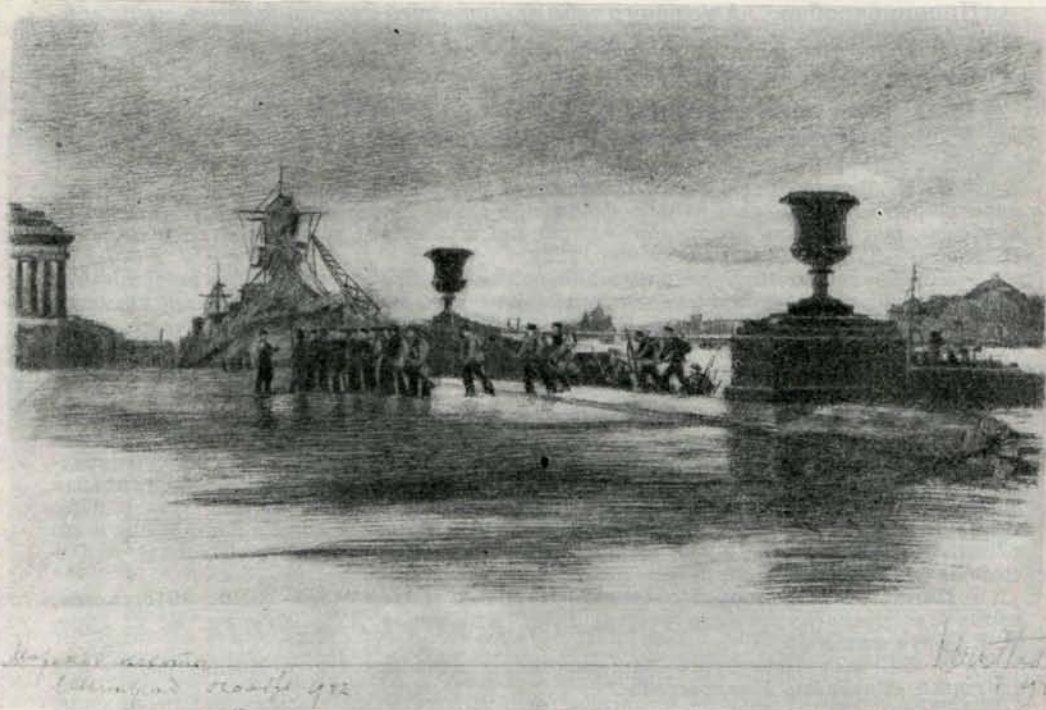
Привет, дорогой Александр!

Ветер, желтеет лист, ухают орудия, хрипит радио... Вдулась Нева... Я бешено работаю уже над спектаклем «*Раскинулось море широко*»... Сделать к 7 ноября! Для Ленинграда и флота. Вещь темповая, остро сюжетная, сцепление комедии и драмы.

Экземпляр тебе будет выслан в ближайшие дни. Для прочности вышло два, с интервалом в несколько дней. Сейчас идет экспликация. Софья Касьяновна вернулась с моря — ходила на «охотниках» в дозоры — и делает макет¹. Специальных рабочих нет — всё результат зими... Надо обходиться своими силами и учениками-ремесленниками.

Труппу зажег... Рад тряхнуть стариной. Пишу и мысленно вижу тебя, Алису, труппу, *ваши репетиции*... В пьесе вы узнаете меня, близких вам балтийцев, героев флота...

Решайте смело!.. Есть ли там композиторы — или выслать ноты ленинградского спектакля? Здесь работает бригада балтийцев-композиторов (Будашкин, Витлин и др.²) Есть удачнейшие музыкальные куски... Ставит заслуженный артист Республики Н. Янет...³ Может быть, знаешь? Весь этот месяц я в домике на Песочной 10, у О. К. Матюшиной⁴. Спасли ее от голода. Спасли и домик ее (от сноса на дрова). Домик-то историче-

«ОТРЯД МОРСКОЙ ПЕХОТЫ»

Офорт Н. А. Павлова. Ленинград, 1943 (по рисунку, сделанному в ноябре 1942 г.)

Третьяковская галерея, Москва

ский. Здесь Маяковский и другие «Садок судей» издавали ⁵; трагедия Маяковского писалась ⁶; В. Хлебников жил; бывал А. М. Горький, В. Воронский и др. Сохранилась библиотека, старина...

Зачем же ломать домик?!

Тут и ты бывал в 1920—1921 гг., как говорит Матюшина.

Пьесу написал в месяц... На взлете — в золотые дни питерской осени... Пьеса веселая и вместе с тем — напряженная... Не сообщая ленинградских отзывов, но скажу, что приняли отлично. Такая премьера в осажденной крепости — это будет здорово! Как немцам будет по морде!.. (Я текстов и подтекстов дал уйму...) Рад, что подчинил жанр — и театр целиком берет всё — штампы оперетт, музыкальных комедий *не будут* подчинять текст...

Вспомни времена своих комедийных спектаклей и «Оптимистической» и рванй! Пусть ленинградская пьеса зазвучит в стране — от *Камерного театра* — а в Ленинграде — в нашей единственной «Музыкальной комедии» — где вечные аншлаги, гул орудий и тру-ля-ля неунывающих ленинградских Сильв, Баядер etc.

Злюсь, что почта будет тянуть на месяцы нашу переписку... Бодр, тоскую по куску мяса; съел бы хоть кусочек яблока... Ур-р-р... Рычу, как тигр, и... кушаю кашку... Однако, видимо, ленинградцы весьма упорны и выносливы, и 15 месяцев не сказались на мозгах наших и духе... А если и сказались, то только в положительном отношении.

Действуем... Ура великому Ленинграду... Немцы хотят сунуться сюда еще раз? — «Идите, ждем!»

Пиши подробно... А то вечно тебе некогда, всё быстро-быстро, на одной-двух страничках... *Пиши!* Алису целую.

Привет всем друзьям.

Твой Вс. Вишневский

Р. С. Где театр, на каком фронте ?? Что нишут?..

¹ С. К. Вишневецкая была художником-оформителем спектакля «Раскинулось море широко». «Приехав прямо с фронтов, в самый короткий срок, не считаясь со временем, она сделала декорации — скромные, правдивые и точные» (Воспоминания Н. Янета. — Сб. «Писатель-боец», стр. 222).

² Композитор Н. П. Будашкин в дальнейшем участия в этой работе не принимал. Музыка к ленинградскому спектаклю «Раскинулось море широко» была написана В. Л. Витлиным, Л. Крুцем и Н. Г. Минхом. Для спектакля Камерного театра музыку написал Г. В. Свиридов.

³ Николай Яковлевич Янет — режиссер Ленинградского театра музыкальной комедии.

⁴ Ольга Константиновна Матюшина (р. 1885) — участница литературных футуристических кружков, автор воспоминаний о Маяковском («Маяковскому». Сборник воспоминаний и статей. ГИХЛ, 1940). В ее доме (Песочная ул., 10) часто останавливалась Вишневский во время приездов в Ленинград. Ныне на этом доме — мемориальная доска (фотографию дома и доски — см. Собр. соч. В. В. Вишневского, т. III, стр. 676). Воспоминания Матюшиной о Вишневском «Удивительный человек» напечатаны в сб. «Писатель-боец», стр. 266—285; о Вишневском см. также ее повесть «В домике на Песочной» («Звезда», 1962, № 3, 4).

⁵ Имеется в виду второй сборник футуристов «Садок судей» (СПб., 1913); в нем, кроме Маяковского, приняли участие В. В. Хлебников, Д. Д. Бурлюк, Е. Г. Гуро, А. Е. Крученых и др.

⁶ В 1913 г. в Петербурге Маяковский закончил начатую в Москве работу над трагедией «Владимир Маяковский».

⁷ Летом 1942 г. бригада артистов Камерного театра выезжала из Барнаула на фронт.

5

Днем 26 сентября 1942. Ленинград

Привет, дорогой мой!

Дивный солнечный день, золото листьев, голубизна неба... Гудят самолеты, ухают орудия.

Идут репетиции пьесы «Раскинулось море широко»... Вчера заискрились сцены, некоторые брали уже за душу... Мне хочется делиться с тобой... Экземпляр числа 25—27 сентября тебе из Москвы будет выслан. Я делаю дошлифовку, с учетом репетиций, и второй экземпляр вышлю в ближайшие дни.

Софья Касьяновна сидит в Александринке среди портретов Савиной, Давыдова, Варламова и других и делает макет ¹. В 48 часов она решила первый и третий акты — море, пирсы (пристани), катер и т. д. Осталось решить второй акт: «павильоны» с *окнами на море*... (Вся пьеса пронизана должна быть северной балтийской ширью, тона — серо-голубые и песочно-золотистые.)

Труппа работает с увлечением. Это действительно ленинградцы! При температуре до —8° играли зимой оперетты; пар столбом из ортов.

25 октября — сдача генеральной репетиции. Темпы взяты фронтовые...

Завтра еду в окопы: надо после месяца драматургической работы встряхнуться. Поеду к гвардейцам-артиллеристам... Вчера днем ездил на окраины. Немцы злобствуют и бьют по полям капусты. В одном кочне теплый осколок вынул...

Город будет с овощами... Учили уроки прошлого года...

В свободные минуты читаю Эдгара По, дневники Блока (1911—13) и переносюсь в довоенный Петербург — навсегда милый сердцу моему.

Всё глубже думаю о новой большой пьесе — о Ленинграде, днях осады, людях, истории, о нас и о других...² Напор материала неимоверный.

Город необыкновенно красив... Воздух небывало чист... Закаты неповторимые.

Вечер.

Пришли сейчас из театра, и я до вечера работал с ними. Репетиции переносятся на сцену, так как Софья Касьяновна дала все решения, а сегодня на репетиции за столом уже определилось многое... Надо *двигаться*, а не «искать» за столом. Здесь не МХАТ; впрочем и МХАТ теперь орудует публицистическими пьесами и быстро...³

Очень хотел бы повидать тебя, Алису, не торопясь, без артиллерийской стрельбы — выпить хорошего вина, подышать на тихой природе...

Делаю «Альманах Ленинграда» — к 25-летию (введен в редколлегия) ⁴; пишу статьи — без усталости.

По вечерам колоссальные нагромождения воспоминаний... Мысленные разговоры с людьми. Скольких уж нет...

Пиши.

Завтра начну отделку варианта пьесы для Камерного театра. Надо несколько убрать локальность, сделать укрупнения...⁵

Ну, шлю лучшие пожелания.

Твой Всеволод

¹ Вся подготовительная работа над постановкой «Раскинулось море широко» проводилась в помещении театра им. А. С. Пушкина (б. Александрийского), труппа которого была эвакуирована из Ленинграда. Здесь же состоялась и премьера. «Играли в помещении Александрийского театра, — вспоминал Н. К. Чуковский, — в самом прочном из театральных помещений города, способном выдержать взрыв артиллерийского снаряда» («Моя встреча с Вишневским». — Сб. «Писатель-боец», стр. 243).

² Задуманная пьеса — «У стен Ленинграда» — была написана в 1943—1944 гг. (см. о ней в настоящ. публикации, письма 13 и след.).

³ Вишневский имеет в виду постановки МХАТа, осуществленные в 1942 г.: «Кремлевские куранты» Н. Ф. Погодина (премьера — 22 января) и «Фронт» А. Е. Корнейчука (премьера — 7 ноября).

⁴ Готовившийся в Ленинграде к Октябрьской годовщине 1942 года литературный альманах в свет не вышел.

⁵ Намерение подготовить для Камерного театра особый вариант пьесы не было осуществлено (см. след. письмо).

6

Ленинград. 29 сентября 1942

Привет, дорогой мой!

Серьезное напряжение ума, нервов, сил. Октябрь-ноябрь, видимо, будут еще ответственнее, чем в 1941 г.

Все кругом грохочет, и от пьесы я должен обратиться к другим делам. Мы, балтийцы, *отвечаем за Ленинград*... Со временем опишу, расскажу. Борьба все ожесточеннее. Ты это чувствуешь и сам, видимо...

Шлю экземпляр пьесы в том виде, в каком он пошел в работу здесь ¹. Судя по репетициям, надо несколько сжать кое-где, может быть, пораньше дать сценку с «корреспондентом»², изъять для сокращения игру с награждениями в первом акте, местами выигрывать на сокращении отдельных второстепенных ситуаций, реплик. Но *на темпе* пойдет вся пьеса. Уже сейчас на репетициях — видно, как будет.

Вчера в Военном Совете: «Нет замечаний, спасибо. Действуйте! Зимой давайте новую пьесу, большую»...

Поток мыслей в голове — о судьбах России, о капиталистическом мире, о разновидностях врагов, очередности борьбы etc. Много иллюзий раздавлено, выкинуто... Быть жестче, тверже, упорнее!.. Мир роллановских идеалистов раздавлен ³; «симпатизирующие» — в общем оказались

дряблы... Союзники — условно... Вся наша вера и сила должны концентрироваться на России, на извечной ее теме, на многострадальной родине, на *мощи* ее, *выносливости* и *терпении*... Я вложил некоторые мысли эти в пьесу, хотя, конечно, за 17 дней (!), в которые я писал пьесу, не было времени отделить; и жанр все-таки диктовал свое... Но в городе *один* театр, и город хочет отдыха и смеха... Когда будешь читать, слушай гул орудий, тревоги. Здесь в пьесе каждая реплика связана с подтекстами *осады*. Будет ли это понятно вам?

Это юмор особого плана...

Алиса пусть сыграет Елену...⁴ Трактуйте ее как *представителя интеллигенции* Ленинграда (не как «Выборгскую сторону»⁵ и т. п.)...

Она — в центре *плюс коллектив моряков*... (В тексте, конечно, измените цвет волос — Елена брюнетка; Киса *блондинка* — «арийка».) Все соображения по пьесе и постановке телеграфь или спешной почтой... (Сегодня непрерывная канонада... Вчера немцы пытались бомбить — мы дали им по морде опять... за 2 дня сбили 40 немецких самолетов!)

Софья Касьяновна отлично решила оформление.

Катер в финале акта (на роликах) дает разворот в море... В финале пьесы движение масс, силуэты кораблей, *плюс хор!*..

Павильоны обычные... Смесь былого комфорта *плюс* осадные моменты: мешки, амбразуры etc.

Немецкая сцена: давящее, серое, сейф, окна с решетками...

Видел прогон двух актов. *Знаешь, это крепко!*..

Как будете решать — на музыке, с ариями и дуэтами — или?..

Конечно, пьеса строится на музыке. (У нас уже решено 80% музыкальных номеров.)

Пиши!.. Лучшие пожелания...

Целую Вс. Вишневский

Алису поцелуй... Труппе привет и призыв: работать еще активнее!

¹ Экземпляр пьесы «Расквинулось море широко» был получен Таировым в Барнауле в октябре 1942 г.

² Сцена с корреспондентом в окончательный текст пьесы не вошла. См. ее публикацию ниже, стр. 242 — 243.

³ В дневнике Вишневого от 28 и 29 сентября 1942 г. записи о Р. Роллане: «Читаю биографию Романа Роллана. Хочется вдуматься глубже в крах французского (европейского) гуманизма, в корни их ошибок...» «Вчитываюсь в Романа Роллана глубже и глубже... Для меня сладковатые, „сверхнациональные“ фразы Роллана звучат неприятно. Нужна не проповедь, а участие в битве, которое и породит в будущем реальные результаты...» (т. III, стр. 629, 631).

⁴ Роль Елены в постановке Камерного театра играла не А. Г. Коонен, а В. В. Бельская.

⁵ Выборгская сторона — в данном контексте синоним рабочего района, рабочего предместья.

10 октября 42. Ленинград

Привет, дорогой Александр.

После боя 1 октября — послал тебе рукопись пьесы. Надеюсь на почту. Все, что мог, для Камерного театра — сделал... Вчера передал композиторам о высылке тебе нот к спектаклю (о высылке сообщу).

Поездка, о которой я тебе сообщил в письме от 2 октября ¹, — пока задерживается. Утвержден самим хозяином список в шесть-семь писателей (я, Корнейчук, Кармен и др.)... Думаю, что это связано с обстановкой... О дальнейшем напишу. Честью горжусь и выполняю все задания...

Очень бодр... У нас золотая осень... Приятно видеть результаты упорного труда. Сообщение Совинформбюро от 10 октября о боях у Ладоги ты читал... Вот мы над этим и работали, в частности 1 октября...²

Рады успехам Сталинграда... Уроки Ленинграда пошли впрок ряду городов... А видел бы теперь наш огромный, осенний каменный город!.. Вот крепостище!..

О пьесе... Пиши мне все свои соображения, предложения... Роль Елены можно усилить... Дать боцману реплику о том, что «она жена нашего командира — в 18-м году его убили немцы»... (т. е. дать, может быть, ей *личную* тему мнения).

Роль военкома — в связи с упразднением института комиссаров ³ — надо бы переделать в роль командира соединения *капитана 2 ранга* Самойлова... В тексте изменить только обращение «тов. комиссар, тов. военком» — на «тов. командир», «тов. капитан 2 ранга»...

Идут репетиции... Софья Касьяновна сдала не только макет, но и костюмы... Есть удачные весьма (у Елены и др.). Получили всё обмундирование — вплоть до походного (кожаное и непромокаемое капковое). Театр волнуется, по-хорошему... Премьера в день 25-летия Октября — в городе Октября... — я внутренне тоже волнуюсь... Пьесу печатают — и в Ленинграде, и в Москве ⁴. Видимо, она сможет пойти широко... Пусть делает свое дело — дает политическую зарядку и два-три веселых, бодрых часа работающим в тылу и на фронте...

Как театр? Что на зиму? Какие планы?

У меня план: большая пьеса, либо дальняя поездка (если будет распоряжение). Готов и к тому, и к другому.

Сделал октябрьский литературный альманах для Ленинграда ⁵. Много пишу... На душе крепко, светло. Верю в победу. Россия сверхвынослива, крепка... Ее опрокинуть немислимо... Немецкий план на 1942 год крахнул, и к первому снегу мы увидим ряд интересных вещей... Энергия Гитлера идет по убывающей кривой... На четвертом году войны он стоит против нарастающих колоссальных сил коалиции: Россия, Англия, США и др. (в частности 10 латиноамериканских стран)... При всех недостатках коалиционной системы — эта сила непреодолима. Она физически давит и будет все больше давить на гитлеровский голодный и недovolный, усталый лагерь...

Выдержка, терпение... Мы доломаем этих скотов!..

И снова и снова из глубины сердца слава Ленинграду. Он *первый* показал, как останавливать врага, как бить его... Немцы под Ленинградом потеряли уже более 500 000 человек. Представляешь себе!.. Мы привыкли к своему быту, к артиллерийскому огню, к недостаткам... Привычка рождает внутреннее спокойствие... К зиме готовятся люди сноровисто, спокойно... Огромный организм города выдержал всё и приспособился отлично...

В прошлом году снег упал числа 20—22 октября... Опадали *зеленые* листья. Народ говорил: «Быть худу». Сейчас осень хорошая, золотая... Приметы *хорошие*... (За время войны приметы и пр. у людей как-то атавистически заняли новое серьезное место...)

Ну, пиши, жду! Всякой удачи, здоровья, бодрости — тебе и дорогой Алисе, и всему театру!

Твой Вс. Вишневский

¹ См. выше, п. 7.

² В сентябре-октябре 1942 г. восточнее Ленинграда, на Сиявинском и других участках фронта, шли упорные бои, имевшие целью обеспечить постоянное сообщение осажденного Ленинграда с тылом, через Ладожское озеро. Советским войскам удалось потеснить врага; успешно действовали наша авиация и флот в районе Ладоги.

³ 9 октября 1942 г. был обнародован Указ Президиума Верховного Совета СССР об установлении единоначалия в армии и упразднении института военных комиссаров.

⁴ Пьеса «Раскинулось море широко» была напечатана в журнале «Звезда», № 5-6 за 1942 г. В Москве пьеса не печаталась.

⁵ См. прим. 4 к п. 5.

9

Ленинград. 17 октября 1942

Привет, дорогой Александр!

Утром, когда ехал в Александринку на репетицию, принесли твою горячую телеграмму...¹ Очень обрадовался... Мне тут в грохоте, горячке как-то в последнюю пору было неясно — что за вещь получилась... На рывке писал; казалось, хорошо; потом поотстал — новые дела, заботы... (Где-то «смущает» и жанр...)

Но твой опытный глаз, видимо, вещь проверил... Ее задача: развлечь, дать зарядку, показать некоторые формы современной борьбы.

Сегодня был на репетиции. Идут монтажки, акт прогоняется за актом, на музыке. Первый акт очень веселый и ядреный. Второй и третий увижу 20 октября...

О спектакле, какой я хотел бы:

Из утренних зевков, раздумий, заброшенности одинокого катерка, который, как Золушка, — беден [грязен] (развешанное белье, тельняшки и т. п.); из *грусти* — контрастирующей рядом с праздником и триумфом других, — *медленно* рождается мечта, боевое дело...

Острее решать *контрасты*!..

Центр пьесы, конечно, второй акт... Вот люди в огне, в деле!.. Вот трансформации людей буквально всех: и Елены, и моряков, и врагов (Кисы, ее начальника и пр.).

Пусть зритель поймет, как сложны явления и как полезно быть бдительным и *проницательным*.

Елена — это воплощение русской женщины, образ, идущий от героинь жен декабристов, от Петербурга, от Чека, от Революции... Она владеет собой всегда: сдержанно властна, смела... Ну, Алисе не надо много пояснять... Контрастом — Киса, хохотушка, [нагло-цепкая] манящая и пр. — на самом деле бывалая, продувная, умная, идущая на смертный риск...

Бери шире! (Акварели и схемы оформления Софья Касьяновна, по моей просьбе, вышлет тебе в ближайшие дни. На месте тебе, вероятно, трудно решить морскую специфику базы, катеров, причалов и т. п. Мы и дадим то, что идет в Ленинграде в «Музкомедии».)

Контрасты заложены и в структуре: первый акт веселый, задорный, с перцем, с легкими завязками — которые к финалу акта сразу напрягаются... ну — посмотрим, кто чего стоит.

Второй акт от шуток в парикмахерской — к резким драматическим ситуациям, почти трагическим у Елены и постепенному высвобождению... Музыка, игра, мизансцены, динамика, свет (может быть, уже рассвет начался) должны помочь победе балтийцев... Их лейтмотив звучит и, контрапунктом, — тревога у немцев, стремление поймать наших... (Пусть в антракте, между вторым и третьим актами, публика поволнуется: прорвутся наши или?..)

Третий акт — традиционный, но с затяжкой развязок... Контрасты уже ясны — надо развязки давать... Поимка Кисы выходит любопытно, как бы неожиданно. Больше активности Елене (ее соображения, советы, взгляды на Кису и т. п.). И хорошо найденная сцена: Елена ловит, схватывает Кису... Завершение — хор, апофеоз...

Думаю, что характеристики ролей понятны... Усы и солидность у боцмана... Вместо «военкома» теперь *единоначальник*: капитан 2 ранга (начальник соединения катеров), властно-мягкий. Сам вникающий во всё, догадывающийся о многом и подсказывающий Чижову: «Оглянитесь вокруг» и т. п. Он ценит Чижова, который хорош, но подпорчен светскостью, ресторанами и пр.

Два друга, Жора и Миша — южанин и северянин, друзья — *контрасты* — и смельчаки-весельчаки, бабники и пр. (Обыграй их ухаживания за *всеми* женщинами и *одинаковыми* приемами! Будет весело...)

Ну, кончаю... Хочется иметь твои соображения, заметки, экспликационные наметки... Я быстро откликнусь...

О дальней поездке. Пока дело задержано... Видимо «выясняются отношения»... А будет нужно — пошлю... Сообщу сразу.

Главное *работа!* У нас дел много. Продолжаем жестокую борьбу... Вчера было шумно...

Лучшие пожелания! Пиши.

Да, пьесу просит из Иркутска театр музыкальной комедии (тов. Сагайдачный). Тебе *ближе*... Может быть, ты пошлешь ему копию? У меня экземпляров уже нет.

Целую, твой Вс. Вишневский

Алисе привет и поцелуй от меня и Софьи Касьяновны!

¹ Эта телеграмма с первым откликом на полученную пьесу в архиве Вишневского не сохранилась.

26 октября 1942. Ленинград

Привет, дорогой Александр!

Сегодня смотрел первый прогон всех трех актов, на музыке; почти все в костюмах. Нет еще света, шумов, грима и т. п. Пока еще контуры спектакля. Назову *«Орлиное племя»*¹ (советуют не давать название, ассоциирующееся со старой мрачной песнью).

Спектакль есть! Вещь держит зрителя (пока это одиночки в партере, друзья, статисты, служащие театра, ученики...) ².

Требую жестко темпов, всех деталей военно-морского оборудования, автоматов для моряков и пр. Город военный — все всё насквозь знают, и бутафория тут не годится.

Коллектив работает с подъемом, слаженно... Первый акт забавный, веселый... Театр — по жанру — ввел дополнительный танец-песенку у пушки, в первом же диалоге Жоры и Миши (мечты о подвигах...). Оформление лихое... Плюнули на бутафоров, пошли в море — и с одного затонувшего катера сняли всё, что нужно. Вымокли, но всё теперь на «ять»...

А. Я. ТАИРОВ

Фотография. Барнаул, 1942

Собрание А. Г. Коонен, Москва

Что сказать полезного для работы?..

В концерт включили синтетический *гротескный морской танец* пары (он и она в морских костюмах): тут буквально все элементы матлота, «яблочка», чечетки, морские жесты, походка, шутки... Идет блистательно. (Танцуют: Пельцер — это первоклассный мастер! — и ее партнер Камков³.) Дали и одесскую: сначала в публику с болью обращение об Одессе (передвинули текст куплетов) — затем с улыбкой («вернем Одессу!») — песню, танец плюс хор, дружно подпевающий Жоре... Ну, лихо идет и питерская пляска, в народном стиле...

Много вообще забавного... Танец, например, боцмана-усача лет 50 и Астафьевны («себя покажем мы — молодежи!»)... Вместо розы Астафьевна дарит — из корзинки — репу... Боцман обыгрывает ее...

Отлично вставили тему «дано — не дано»... Сначала боцман шутит над Жорой и Мишей: «Нет, вам не дано» (уменьше покорять женщин)... Потом наблюдающие Жора и Миша говорят о боцмане, что ему «не дано» («сыплется песок»)... Потом боцман, ухаживая, на каждую ответную улыбку и кокетливое согласие «ее» — бросает победно, в сторону Жоры и Миши: — «Дано!»... Потом, когда Астафьевна, кокетничая, смазывает его корзинкой по голове, — молодые краснофлотцы шутят: «Дано?» — Он: «Дано — и как еще!» Потом Астафьевна, как упомянуто, дарит репу... Боцман опять кинул — показывая репу Жоре и Мише: «Дано»... Те завидуют... etc. В конце Жора и Миша признают: «Дано», салютуют «старикам».

Великолепно ночное волнующееся море (темно-зеленый шелк), катер, прожекторный луч, ветер etc. Софья Касьяновна показала класс...

Застенок немцев: *серые тона, косые решетки* в окнах, драпри, стильная мебель и пр. Смесь особняка с тюрьмой... Когда Елена пробует уйти, всё наглухо закрыто... У окна окрик: «Назад!» На музыке (тоска,

печаль) это очень сильно... Ее бессилие — и взлеты ярости и дерзости (срывание портрета и флага... Достали тоже настоящее).

Ну, горяча сцена появления наших: бескозырки, тельняшки, автоматы! (Надеюсь: обмундирование от «Оптимистической трагедии» и у вас цело?..)

Уход наших на мажорной музыке. Контрапунктом — растерянное метание второго немца, вызовы по телефону: «Здесь русские!..» Озирается, ошеломлен, боится... А музыка звучит... Наши свое сделали и ушли!

Третий акт — вновь контрасты, *беспокойство*... Несколько тревожится и капитан 2 ранга (командир соединения). На пирсах стоят, смотрят, ждут... Вглядываются вдаль... Издали песня балтийцев... «Живы, прорвались!» Объятия, рапорты, трофеи, пленные... Живая сцена... Новая затем линия: влетела Киса etc. Подозрения... Ее разоблачили; Елена схватила ее и сильным медленным движением поставила ее на колени. Всё идет остро... Если не сумеете дать на заднем фоне движение эскадры, светящиеся мачты, то самая концовка (после ухода Кисы) сразу слабнет. Все нити уже распутаны... А одной песни мало, — это мне ясно. Ищу дополнительного финала, *ударную точку*... Сообщу.

Музыка на месте, но нужно в двух-трех местах *больше мажора* (финалы второго и третьего актов). Композиторы пишут, ищут... Наши советские композиторы, к слову, испорчены минорно-«лирической» напевностью. Почему до сих пор нет мажорной песни войны? Русской «марсельезы» 1941—42!! Ищите ее, создавайте... Требуйте, театральные деятели!

Эффектен великолепный туалет Елены во втором акте: ярко-красная (по моде 1942) кофта с отворотами, темно-серая длинная юбка... А в третьем акте: *поверх* этого — в накидку бушлат, юбка чуть подобрана и автомат в руках... Сочетание разных планов...

Провод «фрицев» пленных сквозь толпу работает!.. Найди краски, ненависть, умеряемое с трудом желание в клочья порвать врагов...

В какой фазе дела у тебя? Как ты распределил роли?

Ноты будут через неделю, т. е. 2 ноября. Вышлю и сообщу. Пиши!.. Жду твоих писем. Читал, что ты ставишь пьесу Леонова⁴. Октябрьских дел по горло... На днях был в Смольном. На душе светло... Какой это город Ленинград! Слава ему стократная, любимому. Обнимаю.

Вс. Вишневский

Привет Алисе! Как ее здоровье, дела?

Р. С. Привет от Софьи Касьяновны, от поэта Вс. Азарова и других балтийских писателей!

В.

А как на Ладоге балтийцы немцев шарахнули!.. Топили баржу за баржей — вопли стояли... По 400 человек на иных баржах было. Отборные головорезы. Выкупались они на смерть...⁵

¹ Ни в рукописях, ни в дневниках Вишневого это предположительное заглавие пьесы не встречается. В дневнике от 22 октября записано: «Советуют не связывать название со *старой* печальной песней „Раскинулось море широко“. Дать новое — „Сыны Ленинграда“ или „Балтийские орлы“... Нет!» (т. III, стр. 660).

² В дневнике Вишневого более сдержанно оценивает первый прогон спектакля: «Шел первый акт, затем в той же конструкции — третий, затем — второй. Это мешало мне увидеть весь рисунок спектакля, его ритм... Есть хорошие места, но еще многое недоделано. Театру недостает культуры... Надо всё сделать прочнее, спокойнее, глубже. Есть ряд мелких промахов. Дал указания. В ближайшие два дня должна быть кончена монтировка, свет, шумы...» (запись 26 октября, — т. III, стр. 664).

³ Нина Васильевна *Пельцер* (Чумакова) — солистка балета Ленинградского театра музыкальной комедии; А. Г. *Камков* — балетмейстер театра, выступал и как танцор.

⁴ Постановка пьесы Л. М. Леонова «Нашествие» в Камерном театре осуществлена не была.

⁵ О победе на Ладогe см. дневниковую запись от 22 октября: «Сегодня ряд финских кораблей и десантных барж под прикрытием тридцати мессеров начали операцию <...> К двум часам дня сбито восемь мессеров, остальные отогнаны; утоплено до четырнадцати финских кораблей и десантных барж <...> Отлично!» (т. III, стр. 660).

11

12 ноября 1942

Привет, дорогой Александр!

Получил к праздникам твое и Алисы письмо ¹. У тебя письмо без даты, размашисто... Ты, конечно, летел на репетицию довольно мрачной пьесы (которую время быстро уберет) ². Я предпочитаю вещи динамичные, оптимистические, светлые, хотя вполне понимаю, что такое трагизм...

7 ноября прошла премьера... Билеты распроданы более чем на месяц вперед... Премьера идет пополам с тревогами в боевой хорошей обстановке.

Впечатления... Стройный спектакль. *Жанр, конечно, сложен!* Софья Касьяновна блеснула — и морем, и дыханием порта, и движущимися кораблями, и штормом etc. Играют все с увлечением. Реакции живейшие... После второго акта овации... Напряжение зрителя достаточно велико. Сюжетная линия явно перешибает арии и дуэты. Локальный материал берется отлично.

На первом плане Миша и Жора — любимцы... Затем героиня, затем Киса, лейтенант «голубой». Чижов вырос до *типового образа*... Это смесь простака, хитреца, службиста, бабника и т. п. Война выпрямляет его. Третий акт идет отлично. Максимум напряжения на разоблачении Кисы... Она вся сияет, «невинна» — ей кажется, что все удалось, — но тут и попадает...

Недостатки спектакля? Затяжной первый акт (срезай 15 минут). Концерт сделан академически, а надо делать бурно, втягивать всех, давать реплики, подпевать, подтанцовывать etc. Пляски должны быть огненными...

Вот главное замечание.

Ну, конечно, важен вопрос света. У нас, например, не было синего света (в таком спектакле!). Варьировали зеленый etc.

Костюмы дали первоклассные, подлинные. Женские моды 1941 — 1942 гг. (получили несколько американских журналов). Когда в стально-сером застенке появляется Елена — в красной кофте и длинной шелковой серо-коричневой юбке — это эффектно очень...

На втором акте публика плачет, трогательно... Музыка и прощальные арии берут за сердце...

Концовку второго акта улучшил... На марше — пленных немцев выводят — автоматы моряков наготове... Елена сама выводит капитана... Последний, Жора, громко, шутливо, подняв «по-арийски» руку, говорит: «...Капитан фон Дитмарштейн отбыл в Ленинград...» (Грохот аплодисментов etc.) Все вспомогательные детали у нас отработаны: катер движется (на роликах), есть вся аппаратура, флаги, вентиляторы (для ветра), фонари и т. д.

В финале пьесы браваурная песнь... Добьетесь ли движения кораблей на заднем фоне?.. Если нет, — подымайте через всю сцену военно-морской флаг — за всей массой.

Ну вот — работа сделана. Вперед, дальше! — Вести идут бодрее... В какую-нибудь неделю создан Средиземноморский фронт, резко изменивший всю обстановку в мире...³ Это Россия всё определила! Можем гордиться...

Будем ждать и создания Атлантического фронта (так называемого «второго фронта») — от Норвегии до Бискайи...

¹⁵ Литературное наследство, т. 78, кн. вторая

Мои дела. Пишу, пишу... Руковожу, в общем, тридцатью писателями (Можешь себе представить количество хлопот, интересов etc.) Езжу... У нас были холода до 14° — пока без снега. На Неве и на море лед...

Настроения бодрые... Город великолепен, молчаливо упорен. На днях: ночью налет, немецкие желто-мертвенные ракеты — висят на парашютах, оцепенело... Нева, дворцы — все залито желтоватым, мертвенным, холодным светом... феерически. Хлещут зенитки... Мы с Софьей Касьяновной въехали, как раз... Не оторваться... Город огрызнулся яростно на этот визит немцев. За два дня сбили, как ты читал в сводке Совинформбюро, — 22 самолета. Не лезьте.

Приказ т. Сталина — общий народный подъем... Это мировая программа уничтожения Гитлера, вердикт...⁴

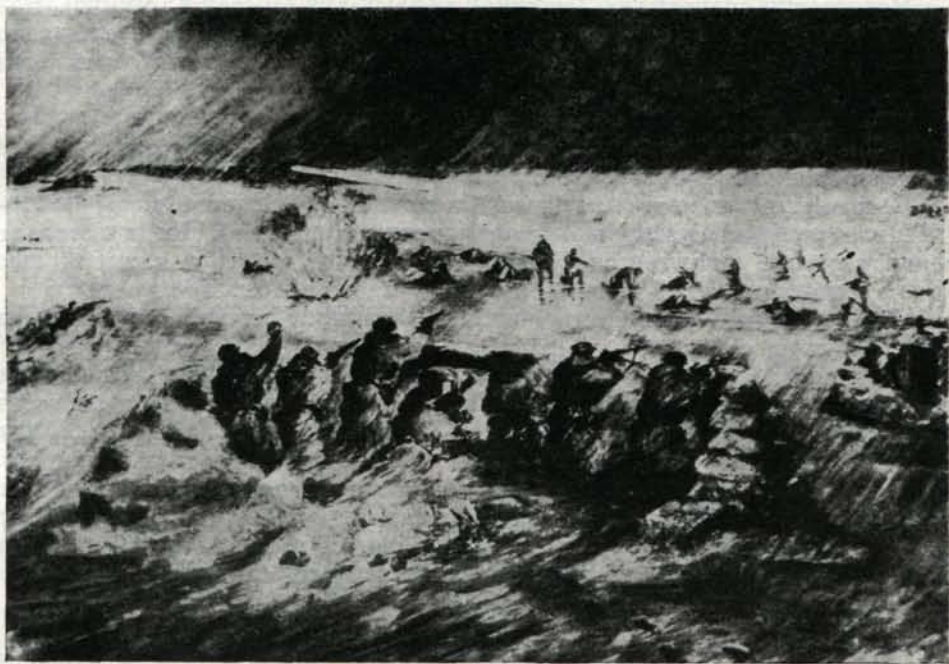
Мы будем в Европе!.. И уж как следует...

Мотаюсь на американском полицейском «харлее»... Это мотоцикл с коляской и запасным местом. В нужную минуту перекидываю сразу четырех человек. Шофер у меня год уже, питерский механик, ходовой... <...>

Да, получил четвертый орден...⁵ Шагаю дальше. Было чудное письмо от И. Папанина⁶, такое сердечное... («Слежу неотрывно за твоей и Софьи Касьяновны работой в осажденном Ленинграде...») Обдумываю новые темы, угадываю перспективы борьбы... Хорошо! (Это лучше, чем в предполож(енной) поездке.) Целую.

Вс. Вишневский

Р. С. Клавир тебе готов. В Москву едет композитор т. Минх. Он и перешлет⁷.

НА ЗАЩИТЕ ЛЕНИНГРАДА

Гуашь С. К. Вишневецкой, 1942

Воспроизводится по фотокопии, Центральный архив литературы и искусства, Москва

ЛЕНИНГРАД В ДНИ БЛОКАДЫ

Гуашь С. К. Вишневецкой, 1942

Воспроизводится по фотокопии, Центральный архив литературы и искусства, Москва

¹ Это письмо в архиве Вишневецкого не сохранилось.² По-видимому, речь идет о пьесе К. Г. Паустовского «Пока не остановится сердце», постановку которой Камерный театр осуществил в Барнауле в зимний сезон 1942/43 г., как «опыт построения современной трагедии» (см. беседу с А. Я. Таировым «Творческие планы Камерного театра» — «Литература и искусство», 1943, № 46, 13 ноября).³ 8 ноября 1942 г. англо-американские войска высадились в Алжире и начали военные действия против германской армии.⁴ Речь идет о приказе Народного комиссара обороны 7 ноября 1942 г., № 345.⁵ Вишневецкий был награжден 1 ноября 1942 г. орденом Красной Звезды.⁶ См. выше, письма к С. К. Вишневецкой, прим. 14 к п. 2.⁷ Николай Григорьевич Минх — советский композитор (см. о нем в настоящ. публикации, прим. 2 к п. 4).

27 января 1943

Привет, дорогой мой Александр.

Сегодня получил твое письмо — без даты. В нем ты пишешь о своей болезни, о работе над «Раскинулось море широко» к 23 февраля и пр.¹

Спасибо! Рад очень-очень получать вести от тебя. Они мне напоминают о многом пережитом хорошем, о поисках в искусстве, о нашей совместной работе, откликах на нее — и о *будущем*!

Ну, из «Правды», «Известий» — ты знаешь, что я был на прорыве блокады Ленинграда². Впечатлений много (я исписал уже 13 книг дневника)...

Дни идут... Иногда физически ощущаешь приливы новых неведомых сил... Близка весна, близятся развязки, — дело идет к последнему акту трагедии. Война Гитлера против всего мира кончается, начинается война всего мира против Гитлера. Мы дали миру пример. Мы дали миру время собраться, организовать, выковать оружие... Этого факта не вычеркнет, не спрячет, не исказит никто: ни Гувер, ни леди Астор, ни Херст³ и пр.

Я здоров, бодр. Действую... Софья Касьяновна делает второй морской спектакль ⁴; делает боевые гуаши («Дозор в море» и пр.) <...>

В кратком письме не рассказать о моем внутреннем мире... Неимоверное количество впечатлений, мыслей, переоценок... Я 29 лет иду военным русским путем ⁵ — и счастлив, что иду прямо и делаю все, что в силах, для родины своей... Литературные, «светские» заботы иногда отходят от меня абсолютно — и бывают хорошие полосы философского отрешения от театральной, литературной суеты нашей...

Но, конечно, огонь искусства то тлеет, то вспыхивает... То звуки, то краски, то слова рождаются сами. Коснешься книг: записей маленького головастого Поля Гзеля о Родене ⁶; томика Мериме; записей Р. Роллана или еще чьих-нибудь — и все взбудоражено внутри...

Конечно, от большой пьесы отрывают дела дня. Но эти же дела питают и новые впечатления...

Вторая зима... Немцы еще злобствуют, упорствуют под Ленинградом... Город терпит — но мы своего добьемся... Рассказал бы я тебе о днях осады и блокады... О, доживу — буду писать год, два, строку за строкой, историю своей жизни, войну, Петербург — Ленинград... Может быть, это и будет моя лучшая книга. Ведь столько уже мной написано (я тебе читал некоторые главы), но всё не решался, не хотел печатать...⁷ Видно — инстинктивно угадывал: главное впереди!..

Россия выходит в абсолютные духовные лидеры мира. Ее силы, ее дух дают нам необозримые возможности. Возьми карту и посмотри: Москва ведь в *центре* Европы и Азии. От Гибралтара до Москвы столько же, сколько от Москвы до Дели (Индия). Протяни радиус к европейским столицам; к Багдаду; к Китаю... Москва в центре! В Москве будет всемирный узел новых воздушных, авто- и железных дорог из Европы, Азии и Африки. Фаза морских атлантических связей, старой Испании, Голландии, Франции и других кончается, — так как авиация и автотранспорт *меняют* направления путей, меняют мировые экономические и культурные потоки и узлы... И Москва стоит в их центре, в центре мира... Тайна истории поразительна!.. Выбор русскими места над небольшой речкой у будущего Кремлевского холма — оказался неисповедимо мудр. Да, Москва — «третий Рим», и — не религиозный ⁸ и пр., а идейный, экономический, военный... И мы сами, творцы дел всего 25-летия, поразимся бурному росту и подъему СССР после войны — prospérité нового истинного типа.

Ну всего не напишешь...

О спектакле. — Уверен в том, что ты сделаешь все крепко, с блеском... В Ленинграде спектакль наш идет очень часто. По решению соответствующих инстанций пьеса распространяется *широко* (об этом мне сообщали из Москвы). Сейчас каждая мобилизующая вещь, каждый спектакль *нужен*. И ты не ревнуй, а творчески побивай...⁹

Домик наш качается, но рассекает тьму, отражает блеск зарниц и прокладывает себе пути вперед... 23 февраля отмечу 25 лет своей службы в РККА ¹⁰. Буду мыслями с вами, друзья, Александр и Алиса, и Камерный театр. Пишите чаще. Всяких вам успехов! *Здоровья, бодрости!* Обнимаю, целую.

Ваш Вс. Вишневский

Р. С. Об имуществе театра, о декорациях и пр. узнаю и сообщу. Привет от Софьи Касьяновны — и тебе и Алисе!

¹ В этом письме Таиров писал: «Очень и очень нравится мне, как я уже писал тебе об этом, „Раскинулось море широко“. Это по-настоящему душевная вещь, свежим ветром Балтики бодрит она душу и сердце, и делаю я ее с большим удовольствием. Полагаю выпустить премьеру к годовщине Красной Армии...» (цит. по машинописной копии, сохранившейся в архиве А. Я. Таирова. — ЦГАЛИ, ф. 2328, оп. 1, ед. хр. 686, л. 6).

² О прорыве блокады Ленинграда были напечатаны очерки Вишневого: «Битва на Неве» («Известия», № 16, 20 января) и «Прорыв блокады Ленинграда» («Правда», № 23, 23 января).

³ Герберт Кларк *Гувер* (1874—1964) — американский политический деятель, президент США (1929—1933); в течение всей своей политической деятельности был ожесточенным врагом Советского Союза. Леди *Астор* — английская общественная деятельница, примыкавшая к правому крылу консерваторов; неоднократно выступала против Советского Союза. Уильям Рандольф *Херст* (р. 1908) — американский газетный «король»; американская пресса, контролируемая Херстом, всячески умаляла роль СССР в войне и усиленно раздувала военные неудачи Советской Армии.

⁴ С. К. Вишневецкая в январе 1943 г. начала разработку эскизов к новой пьесе Вишневого «У стен Ленинграда».

⁵ Вишневецкий поступил добровольцем в армию в 1914 г. и участвовал в первой мировой войне.

⁶ Имеется в виду кн.: «Роден. Искусство. Ряд бесед, записанных П. Гзеллем». 2-е изд., Пгр., 1914.

⁷ Речь идет об эпопее «Война». При жизни Вишневого были напечатаны только небольшие отрывки из нее. Полностью опубликована во II томе его собрания сочинений.

⁸ Вишневецкий имеет в виду провозглашенную в XVI в. доктрину «Москва — третий Рим», согласно которой Московское государство после падения Византийской империи утверждалось как религиозный и политический центр мира, продолжатель традиций Римской и Византийской империй.

⁹ Ответ на признание Таирова в его письме: «Должен покаяться, смущает меня очень, что она (пьеса. — Ю. К.) пошла, в силу понятных причин, шататься по опереточным театрам (...) И вот я очень боюсь, что до нашего еще приезда в Москву, а мы ведем сейчас усиленную переписку о нашем возвращении, там успеют „объяронить“ „Море“ настолько, что придется действительно прибегнуть к волнам Балтики для того, чтобы смыть у зрителя ненужное, неверное представление о твоей вещи. А впрочем это, может быть, все ревность, но ревность в хорошем смысле этого слова, ревность не собственника, а художника, который не хочет, чтобы дорогая ему вещь была показана ненадлежащим образом» (ЦГАЛИ, ф. 2328, оп. 1, ед. хр. 686, л. 6).

¹⁰ «3/16 февраля 1918 года, — писал Вишневецкий, — я получил свой аттестат об окончании гимназии и тут же пошел добровольцем на службу в Красный флот — тяга к морю у меня была всегда, а беззаветная храбрость матросов и их преданность революции окончательно решили мой выбор» («Мои воспоминания», — Собр. соч., т. II стр. 764).

13

18 мая 1943 г.

Где ты, дорогой мой!?

25 апреля — телеграмма от тебя: «Еду в Москву»¹. И по сей день ни строки... В чем дело? Где ты?.. Или так замотался? Или опять болен?.. Жду телеграфных вестей о тебе, возможно подробнее.

Я дописываю последние страницы чистовика пьесы². Это три чистых акта (без суеты «картин» и т. п.). Это война, три поколения моряков. Это Ленинград, суровость, кризис, жестокость и подвиг... Это философия войны, это души, это галерея современных людей — самых разных... Это резко... Это мы — и враги...

Я думаю, что ушел выше и дальше, чем когда бы то ни было... Условия работы?.. Ты представишь их себе.

О быте нашем и пр. расскажет тебе А. Крон. Он все это тоже испытал, перенес (и ты напрасно в письме своем его литературно оцарапал)³.

События разворачиваются все стремительнее и мощнее. Гитлер войну проиграл, но дрыганье, агония, хрип и пр. могут еще протянуться... Слава же нашей России!.. Что было бы без нее, без русских людей из железа...

Твой Вс. Вишневский

Алисе и театру мой сердечный привет!

¹ Весной 1943 г. Таиров приехал на короткое время в Москву в связи с хлопотами о возвращении Камерного театра в столицу.

² Над пьесой «У стен Ленинграда» Вишневский начал работать еще в 1942 г. В телеграмме, посланной Таирову 2 января 1943 г., имеется фраза: «Пишу большую пьесу» (ЦГАЛИ, ф. 2328, оп. 1, ед. хр. 801, л. 1). В апрельских и майских дневниковых записях 1943 г. — многочисленные упоминания о работе над ней.

³ Это письмо Таирова неизвестно.

14

19 июня 1943 г. Ленинград

Привет, дорогой Александр!

Уф. — как будто груз с плеч... Прошла общественная читка пьесы ¹. Полный состав театра КБФ, гости из других театров, писатели, пресса. «Большой сбор»... Читал 3 часа 30 минут.

Из отзывов: *Н. Тихонов*: «Это одна из самых сильных вещей... Сага с моряках. Очень широко взята. Взятые главные характеры, типы флота: от юнги до адмирала. Сплав интересный... Ряд новых типов. Серия разработанных образов. Постановочно трудная вещь...» (Автор: «Тем интереснее!..»)

В. Инбер: «Пьеса сильна великолепным эмоциональным наполнением. Будут трудности». (Автор: «Они существуют для того, чтобы их опровергать, не так ли?..»)

Л. Осипов (редактор «КБФ»): «Всеволод Вишневский дал нам пьесу, близкую нам, сильную» и т. д.

А. Зонин (писатель, КБФ): «Пьеса философская — люди связаны с судьбами родины, с историей, а не с сексуально-личными темами... Пьеса большого патриотизма...»

Пилюгин (режиссер Большого драматического театра им. Горького): «Вещь увлекает. Живые люди... Иных видите по одной реплике... Новые моряки и старье. Пьеса, как и вообще все пьесы Всеволода Вишневского, трудна для театра. Тут синтетические приемы, слитность методов... Надо найти ключ... Очень аналитически подойти...» (Я — про себя — «А на что же на земле умные режиссеры?»)

Ряд звонков — слухи по литературно-общественной среде и т. п. Из замечаний флотских товарищей:

Начальник агитационно-пропагандистского отдела: «Всё в пьесе правда. Убью, кто будет возражать, мешать...» («О-о-го!»)

Художественный руководитель театра КБФ Пергамент: «Флот и народ получают крупное произведение. Ждали, и вот пришла пьеса... Волнительная, большая, действие нарастает от акта к акту» и т. д.

Ерухимович (второй режиссер Театра КБФ): «Эпизоды покоряют... Любопытна пьеса по форме. Это в новаторской линии автора... Монументальный будет спектакль. Возьмем Выборгский Дом культуры».

Всего не запишешь... С утра 20 июня я отделяю текст — и на машинку. Займет это дней пять. Хочу дать отделанный до запятой текст для тебя, дорогой, — для Москвы, для боевых дел России!..

(Сейчас телеграмма от Дзигана: «Горю желанием ставить в моем (?) театре новую твою пьесу, телеграфь, Дзиган». — Что за театр Дзигана? Ты не слышал?...) ².

Телеграфь дела! Жди в Москве экземпляр. Как здоровье?

Всегда твой упорный матрос

Вс. Вишневский

¹ Первая читка пьесы Вишневского «У стен Ленинграда» состоялась 25 мая 1943 г. в Политуправлении флота. Вторая читка (о которой в основном и пишет Вишневский в этом письме) состоялась 17 июня в театре Краснознаменного Балтийского флота.

² Ефим Львович Дзиган (р. 1898) — кинорежиссер, постановщик фильма «Мы из Кронштадта» (1936). В годы войны руководил Первым Московским фронтовым театром.

15

1 августа 1943 г. Ленинград

Дорогой мой Александр!

1 августа — 29 лет первой мировой войны... Сейчас поставил точку на чистовике пьесы, и первая мысль, движение написать тебе... Вот и 29 лет моей военной службы и скитаний...¹ Солнечно, «тихий» обстрел... Нам, пережившим 2000 налетов и столько же обстрелов, уже относительная тишина кажется тишиной...

Пьеса — плод раздумий, ряда наблюдений, глубочайших личных переживаний... Ты угадаешь, что, где, как... Ты прочтешь пьесу верно... Решишь ее крупно... Это вещь трагедийная... Ты найдешь формы, северную суровость; величие Петербурга — Ленинграда, морских просторов... Дашь рисунок строгий во всем. Ты видел, знаешь и город наш, и Балтику... Меньше всего ты будешь думать о «сокращениях» — ибо прежде всего надо думать о *суть*...

Я лишен возможности сидеть с тобой, по привычке, в углу твоего кабинета, дома, — смотреть на книги, картины, пить кофе и коньяк и разбирать с тобой рукопись, строка за строкой... Побеседуем мысленно. Ты увидишь органическое родство «Оптимистической трагедии» и новой оптимистической трагедии В 43: «У стен Ленинграда»²... Родство по крови, по стилю, духу... Некоторые персонажи продолжают лучшие старые традиции. Но если в «Оптимистической трагедии» из хаоса к кристаллизации, то в 1941—1943 уже огромная государственная прочная сила, среда, дисциплина, *семья*... Те, кто был в восемнадцатом году рядовыми матросами, — стали выдающимися командирами... В центре пьесы, конечно, капитан 3 ранга Сибирцев, с его хваткой, силой, «зубом», внутренней чистотой, смелостью, раздумьями... О, этот образ надо сделать в спектакле!...³ <...>

Я буду рад прочесть твой отзыв, твои режиссерские соображения. Я знаю, что это будет самое интересное. Видимо, ты будешь искать ход — во времени, в музыкальном звучании — от «Оптимистической трагедии» к современности. И это будет верно... Там была голубая дымка, мертвый полк ведет рассказ. Здесь — сегодня, все живое, наше, нервно-обнаженное, упрямое, силаща рассеянная... Они в поступи, поведении, манерах... В разнице фактур: мы — немцы (пленные). В разнице мировосприятий...

Над каждым образом поработать специально. Дать каждому его путь, биографию, особенности личные... (Помнишь, подобную беседу по образам «Оптимистической трагедии»? — Сейчас вам это *легче* сделать, вы поймете современных моряков, офицеров...)

О внутренних ключах — ты сам мне напишешь, я буду ждать...

Письмо вышло большое... Давно не беседовал с тобой.

Итак, пьесу шлю... Да будут судьбы ее боевыми, хорошими.

...Да, прочел бы я пьесу эту Камерному театру!.. И порывистого Юрия, звонкого, дал бы, и резкого и хорошего Сибирцева, и окающего Окулова, и милого Белогорского, и басовитого неторопливого старика матроса.

Обнимаю, твой Вс. Вишневский

Алисе мой сердечный привет. До встречи в Москве, мои дорогие!

В.

Р. С. Обычным порядком, конечно, — надо привлечь *консультантов* (морских и военных). Дать актерам литературу об Отечественной войне и т. д.

¹ См. выше прим. 5 к п. 12.

² В 43 — т. е. Вишневского 1943 года. В дневниковых записях Вишневский неоднократно рассматривает пьесу «У стен Ленинграда» как своего рода продолжение «Оптимистической трагедии». Так же воспринял эту пьесу и Камерный театр. Таиров писал: «Через десять лет после того, как со сцены впервые прозвучала „Оптимистическая трагедия“, Камерный театр получил новую пьесу Вишневского „У стен Ленинграда“, которую воспринял как закономерное продолжение, как бы вторую часть сыгранной трагедии» («Новое в трагедии». — Сб. «Писатель-боец», стр. 96).

³ Далее в письме следует опущенный нами подробный отчет об обсуждении пьесы ленинградской общественностью 25 мая 1943 г. Об этом же Вишневский кратко писал в письме 14. Кроме упомянутых там лиц, в настоящем письме Вишневский излагает выступление и отзывы Вс. Азарова, Е. Рывиной, Л. Успенского, Н. Чуковского, А. Крона, Н. Оттена и других, а также режиссерские соображения А. В. Пергамента.

16

9 августа 43

Еще раз привет, дорогой Александр.

Пьеса переплетена; договор подписан; экземпляры на руках тов. Оттена. Вчера сдал пьесу в Смольный...

Будешь читать пьесу, — обрати внимание на главные ее черты... На национальные идеи; на идеи *чести*; на оттенки настроений: ленинградцы-юноши; старик-матрос; кадровики; офицеры... Все по-своему свято берегут свою *гордость*. Они задеты; оскорблены немцами... Весь первый и второй акты это *эволюция*... это излечение от страшной травмы: это раздумья, борения; не останавливаются люди ни перед чем... Отец готов на крайнее: казнь сына!.. Только удержать дисциплину, силы отпора... В этом и величие дней Ленинграда, — а не в физиологии, голоде, бедах, обстрелах и т. д. ... Дух — высшее, чистейшее в человеке... Наши люди в окружении, без техники, с потрясенными нервами (отступление с 22 июня 41 г.) — нашли в себе ярость, целевую ясность, уменье... И победили...

Немцы были опьянены, у них в глазах кровавая муть успеха. Они бредили, сами собой упивались. 3 июля Берлин рычал «Die Widerstandskraft der Roten Armee ist offensichtlich gebrochen»... * А Сталин 3 июля неторопливо излагал, как пойдет война, как все видоизменится, как будут немцы разбиты...

Подчеркни эту разницу национальных типов. Разницу умственных и духовных состояний...

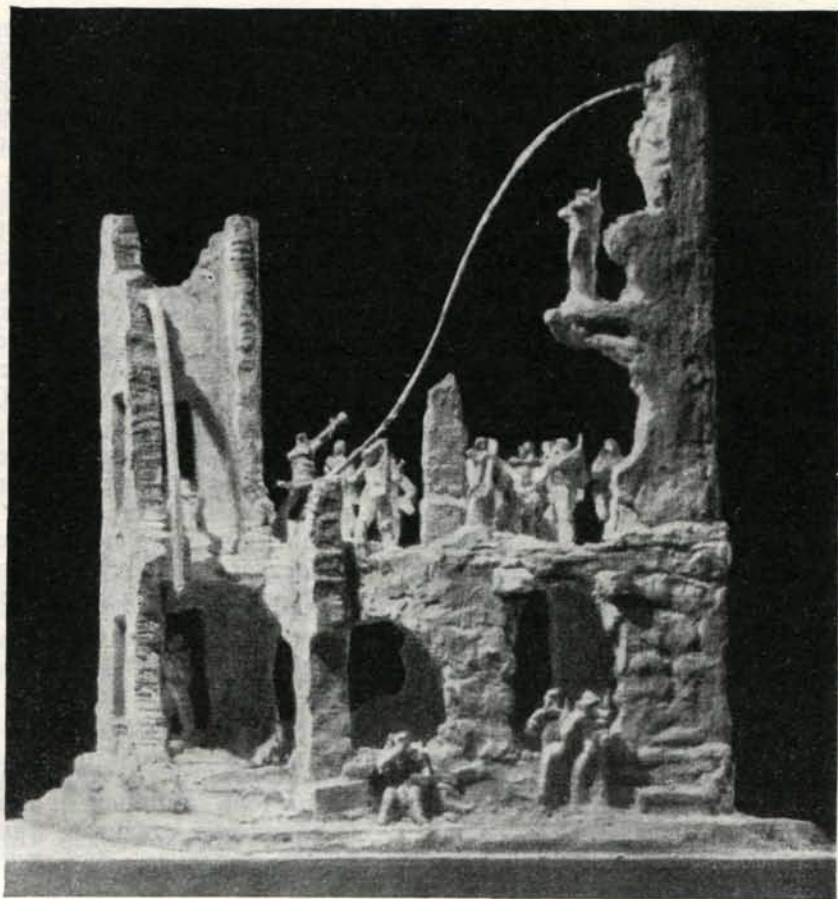
Важен расчет нарастания событий... Разгон третьего акта... Важна музыкальная сторона спектакля... Я в тексте на эту сторону особенно не указывал, но ясно, что музыка вплетается в спектакль.

Эволюцию борющихся подчеркни их видом: от жалких бредущих людей (начало первого акта) до победной поступи в финале пьесы.

Немцы: кадровые, упоенные во втором акте и жалкие, разбитые в финале пьесы...

Меняются исторические роли!

* Сила сопротивления Красной Армии, очевидно, сломлена (нем.).

«У СТЕН ЛЕНИНГРАДА»

Макет декорации для пьесы В. В. Вишневского. Работа С. К. Вишневецкой, 1943
Литературный музей, Москва]

Особенно хотелось бы найти трагическую обреченную атмосферу в третьем акте... Это остатки, это предсмертное... Это лица, побледневшие и с пятнами (гримы!)... Это люди в кольце. Их хотят взять живьем... Тени немцев, силуэты, как летучие мыши, крысы... Всё ближе, ближе. Шорохи... Дать нагнетания беды, ужаса... Сцена коллективного самоубийства (кульминация третьего акта) — взрыв силы (сцена у телефона) — и общий ход всего третьего акта вверх: приход, прорыв Сибирцева и основных сил бригады. Поэтому задача режиссера и актеров не играть, не решать вообще здоровых людей, а людей перенапряженных в исключительных условиях, *небывалых*... Понять небывалость осады и битвы за Ленинград, — чтобы выйти к созданию обобщенного образа России.

Читайте истории осад — каких угодно: Карфагена, Трои, Пскова, Парижа (см. Сарсе ¹) и т. д. Пропитайтесь ощущением трудности, ощущением кольца, стесняющего вас... Иначе — все будет только игрой здоровяков, которые обманули немцев в одной из схваток...

Доклад Н. Оттена на труппе — «Осажденный Ленинград» — поможет театру в этом отношении ².

Проследи по тексту эту скрытную, а порой явную нервность (не суматошливость, не нервозность), внутреннее напряжение. Люди гораздо

больше могли бы сказать, раскрыться, но держат себя в руках, удерживают себя... Только дай нервам волю, и всё брызнет, посыплется... Как всё у Сибирцева внутри клокочет, и обида (нас бьют, нас гонят!) и опасения, и раздражения (еще немного, и он бы расстрелял и раненого, и сына)... Но надо сдерживаться, быть твердым, надо шутить, надо действовать умно...

Да, жаль, что обо всем этом мы не можем говорить лично...

Продумай все тональности по образам. Интонации, жесты... Сибирцев это в некотором роде Алексей³, спустя 25 лет... Это матрос, культурный воин, смелый, душевный, нетерпеливый и пр. и пр. — Это должен быть самый *обаятельный*... Найти такого исполнителя... («Фигура» и пр. тут мне не важны... Не в росте и пропорциях тут дело и не в актерских внешних данных...) Не нужно играть и на бывших барских манерах Белогорского. Он за 25 <лет> тоже иной стал... В нутро глядите. Мне нужен горячий, чудный, *похожий на отца* Юрий... Надо, чтобы Сибирцев и Юрий репетировали детали сходства *вместе!*..

Старик ясен, но надо дать ему и хитрость и свободу и умело сочетать это с осознанной старой выправкой и «словесностью»... Он отнюдь не служака только. Это бывалый и много наблюдавший старик — и иногда очень тонко вонзает свои реплики... Он знает, в чем его сила, и сознательно пускает в ход и «словесность», и возраст, и выправку. Для дела.

Михайлов... Сочетание фаз силы, раздумий, минора и мажора. Бродит что-то в юноше...

Всего я не могу описать, объяснить... Шли мне свой режиссерский план, экспликацию. Как можно быстрее. Пиши, дорогой.

Твой Вс. Вишневецкий

Р. S. Об оформлении. Нужно единство, петербургская старая архитектура — от *казарм*, русской военной *истории* (без «ампиров» и т. п.)... Город — близкий пригород — руины... Т. е. единство стилевое, фактурное; и разрушение из акта в акт, разрушение *материальное*... А у людей — из акта в акт — укрепление *духовное*...

Вс. В.

Р. Р. S. 13 августа 43. Капитан Таиров! А если бы ты привез Камерный в Ленинград и показал бы им «У стен Ленинграда»? Это был бы мировой шаг — в лучшем смысле слова!.. Подумай...

Твой Всеволод

¹ См. в письмах к С. К. Вишневецкой прим. 3 к п. 9.

² Николай Давыдович *Оттен* — театральный критик, заведующий литературной частью Камерного театра. В июле 1943 г. приехал в Ленинград к Вишневецкому по поручению Таирова (см. дневниковую запись от 18 июля, — Собр. соч., т. IV, стр. 281).

³ Алексей — действующее лицо «Оптимистической трагедии»

Родной мой Александр.

Я в полосе напряженной хорошей работы. Вчера выступал перед офицерами Ленинграда. (Впервые за 25 лет снова надел свои Георгии...¹) Бывают, знаешь, окрыленные состоянья... Сейчас у народа такое... Победа видна. Мы ее достойны. Еще несколько усилий! Вперед!..

О пьесе. В Ленинграде постановка на полных парах. Прогоня всех трех актов (премьера 20 ноября). Это крупно! У тебя будет еще крупнее. Пьеса печатается в «Знамени» (Москва), «Звезде» (Ленинград) и выйдет книгой (Ленинград)².

Уже запросы от ряда театров... Ну, пусть они идут за тобой, поучатся.

Сегодня же один из существенных моментов в истории пьесы. Получил письмо от зам. наркома Военно-Морского Флота генерал-лейтенанта И. В. Рогова³. Он пишет: «Выйдет сильная вещь»... Рекомендует: пронизать всё идеей дисциплины и героизма (это лейтмотив «Оптимистической трагедии», и так мы сделаем и тут!), *не* делать Белогорского центральной фигурой (я писал тебе об этом!), убрать шутку старика-матроса насчет: «Прочел две главы, третью собирался» (неудобно шутить о курсе истории партии — пусть ответит: «Стараюсь, вникаю, аж голова трещит...»); сжимать публицистические диалоги (я это в ленинградской постановке делаю жестко, и ты не стесняйся). Бери *главные* живые звенья политических диалогов, варьируй, вслушивайся... Что тормозит, уводит в «газету» и т. п. — снимай, убирай...

Я рад, что письмо Рогова дает именем флота перспективу спектаклю, пьесе и по основным пунктам абсолютно отвечает моим и твоим ощущениям и мыслям... Значит, мы на правильном пути. Свяжись опять с флотом! Встреться с генерал-лейтенантом Роговым (Иваном Васильевичем). Он даст консультантов и вообще поможет.

На днях напишу тебе подробное письмо о видении спектакля. Образ в целом ясен: через все препятствия — к победе, к свету! Начало трагическое, на музыке: образ несчастья, поражения... Люди *бредут*, мучительно думают... Но силы есть, надо только коснуться души — и всё опять распрямляется в упорстве, горении.

Эмоциональное воздействие пьесы, как я наблюдаю на зрителях в репетиционном зале, — сильное. *Сильнее* «Оптимистической» — уж очень всё свежо, всё «сегодня», наше, вот тут...

Из отдельных советов:

1 акт

1) Сожми два прощания матери и сыновей в *одно*; повтор ослабляет и затягивает тему.

2) Найди тепло в беседе контр-адмирала... Он через старика-матроса и Бушкова вызывает улыбки, *зажигает искру* в людях. Из усталой толпы люди постепенно *преображаются* в строй — в *железную* морскую пехоту, известную всему миру!

2 акт

1) Вплетай отдаленные шумы боя, но нового типа: не надоевшие трещотки и т. п. бутафорию. Советуйся; ищи правду фронта... Звуки современной войны — особые... Это в значительной мере — звуки *моторов*... Умело найденные шумы дадут отличный эффект, особенно в кульминационный момент: ход четверых на смерть...

2) Сделай очень сильных, абсолютно верных по типу немцев. Это наглые, упоенные собой... Особенно унтер-офицер. Это белокурый Зигфрид 1941 <года>... Он несет в себе напор, бешенство, фанатизм нацистов. (Столкновение с пленными получается очень остро.)

3) Очень важны сыновья... Нужны *чистые* юноши... Похожие на отца. Подбираются ли такие?

4) Сцена расстрела. Веди ее как суровый *ритуал*. Все торжественно-строгое... «Шапки долой!» Бережно снял старик ленточки (святину) с фуражек осужденных. Вышел караул. Брякнули винтовки. Поворот. Команды отрывистые... Все внимают уроку, все *подтягиваются*... Дисциплина, право, закон! — Вот чем должно веять от этой сцены. (Это не парти-

ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ НА ПРЕМЬЕРУ ПЬЕСЫ В. В. ВИШНЕВСКОГО
«У СТЕН ЛЕНИНГРАДА»

Театр Краснознаменного Балтийского флота. Ленинград,
Выборгский дом культуры. 7 апреля 1944 г.

Первая страница

Центральный архив литературы и искусства, Москва

занская расправа над вожакон и т. п. — Это 1941-й, это суровость, четкость...)

5) После этого скрепление идей и чувств: клятва. Ее начинает Сибирцев. Она несколько неожиданна. Ему вторят два-три голоса. Он продолжает. Ему вторят 10—15... Он продолжает — ему вторят 30—40... и затем все. Нарастание, абсолютное решение матросов — «Умрем, не сдадим».

6) Затем разрядка: письмо, хохот... Это от запорожского письма... Широко, буйно... Это надо разделить по кускам; хохот переливается, письмо идет от группы к группе — надо выделить «смехачей», отшлифовать все нюансы...

Это у тебя выйдет!..

7) Сцена прощанья... Пантомимическая... У каждого свои друзья... Объятия, шлепки, поцелуи, несколько слов, молчаливые взгляды. Мужская сцена, сильная... Прощаются с теми, кто сам остался на смерть... Пойми и из одной-двух ремарок сделай сильную сцену.

8) Финал второго акта... На барабанном прусском нарастании музыки — приближение немцев. Вплетение танкового лязга. (Звук дай точно, вспомни его по парадом.) Моряки спинами к зрителю изгибаются... Каждый готовится к смертельному бою — сгибаются, как перед прыжком, готовы оружие, гранаты... Звук плюс музыка всё острее — и тут моряки от избытка напряжения сбрасывают бушлаты. Они летят как черные птицы... Шмякаются оземь... Музыка всё острее, до крика... Еще несколько секунд — люди взмахнули гранатами... Броски... Заключительные аккорды. Занавес — а музыка еще кипит...

Много всяких деталей, штрихов... Я напишу тебе в ближайшие дни.

Почему ты до сих пор не написал мне о своих планах, решениях?

Целую. Всеволод

Дорогой Алисе привет!

¹ За храбрость, проявленную в боях во время первой мировой войны, Вишневецкий в 1915 и 1916 гг. был награжден двумя георгиевскими медалями и георгиевским крестом.

² Пьеса «У стен Ленинграда» была напечатана только в журнале «Знамя», 1944, № 9—10.

³ Иван Васильевич Розов (ум. в 1950) — в 1939—1946 гг. начальник Главного Политуправления Военно-Морского Флота.

18

Вечер 25 ноября 43. Ленинград

Привет, дорогой Александр.

Тебе тоже, наверное, икалось, когда я с июля по конец ноября спрашивал почтальона, почтовый ящик и т. д.: «Где Таиров, почему не пишет?.. Я ведь ему две пьесы за год послал...» — Сегодня почтальон принес твоё письмо от 18 ноября¹. Спасибо (и тебе, и почтальону).

Буду писать по порядку:

1. 23 ноября была просмотровая предварительная репетиция. В Ленинградском управлении по делам искусств (Загурский, Бурлаченко и др.) нам сказали: «Спектакль большого масштаба, общественного пафоса, романтической краски, большой выдумки, культуры. Волнует, потрясает... Испытываешь большое уважение к коллективу, создавшему этот спектакль...»

У меня, однако, ни одна работа не проходит гладко. Я не пай-автор, не «пятерочник»²... — По строевой линии есть ряд поправок: 1) больше выправки, кадровости массовкам, 2) сократить отрицательные элементы, 3) героизировать комиссара, 4) роль Белогорского сжать. Вот таким образом перед тобой первые шаги пьесы и спектакля. Реакция зрительного зала (несколько сот моряков, девушек из МПВО и пр.) была на спектакле непрерывно. Финал (с момента спасения раненых) буквально трудно было играть из-за гула и аплодисментов.

Софья Касьяновна блеснула. Да, это Питер, это осень 1941! Это она все сама выстрадала, увидела, решила. Это зрелое произведение мастера. Ее работу особо отмечают и в Военном Совете и в Управлении по делам искусств. Это второй ленинградский осадный спектакль Софьи Касьяновны. Я рад за нее и горд.

Тов.

Политическое Управление КБФ приглашает Вас
на премьеру спектакля Театра Краснознаменного
Балтийского Флота

У СТЕН ЛЕНИНГРАДА,

который состоится 7. апреля 1944 г.

в Выборгском Доме Культуры (Ломанский пер., 15)

Начало спектакля в 18 часов.

ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ НА ПРЕМЬЕРУ ПЬЕСЫ В. В. ВИШНЕВСКОГО
«У СТЕН ЛЕНИНГРАДА»

Театр Краснознаменного Балтийского флота. Ленинград,
Выборгский дом культуры, 7 апреля 1944 г.

Третья страница

Центральный архив литературы и искусства, Москва

Духом тверд и бодр. Переделки, поправки делаю в темпе... Театр в накалие... Рвутся к премьере. Общественное внимание огромное. Спрашивают. Звонят, теребят... Ведь это первая большая вещь о Ленинграде.

Все разработки, последний текст, схемы, мои соображения — всё выплыву через неделю, как только освобожусь. Я опять стал любить театр (хотя остался и глубокий след от кинематографии).

2. Итак, вы в театре мерзнете. А фронтовой Ленинград запаса топливом. Напилили, навозили... И свет и вода... И уличные номерные фонари, и указатели, и лестницы домов уже освещены... Всё больше город входит в норму, упрямо, хотя война тут же... Замечательное явление: это упорное разворачивание экономических сил страны, военные стройки, подготовка великих новыхстроек уже сегодня... Вот это силища нации!..

На примере Ленинграда очень многое чувствуешь и понимаешь.

3. 7.XI.43 с блеском прошел 100-й спектакль «*Раскинулось море широко*»... Этот спектакль — привычное дитя города... Спектакль видели уже 150 000 ленинградцев. Актеры просто плавают, а не играют, нюансируют, вдохновенны — буквально. По крайней мере в праздник 7 ноября я это ощущал, видел...

Верю и в ваш спектакль...³ Но советую тебе: перед первыми спектаклями «*Раскинулось море*» говорить публике несколько слов о том, что это за спектакль. Коротко: осень 1942 года. Готовится новый штурм города — силами фельдмаршала Манштейна, брошенными после Крыма на Ленинград... Задание: городу нужен *бодрый* мобилизующий музыкальный спектакль, *военный*... В 17 дней вещь написана... И поставлена театром под обстрелом... (Таким образом — пусть учтут быстроту, темп и т. д. — всю обстановку и «судят» авторов в соответствии с этим...)

Я надеюсь, что несколько твоих слов в этом духе на первых спектаклях были бы вполне уместны.

4. Хочу писать новую пьесу. Делаю первые смутные наброски. Задание внутреннее: светлое, победное, к 1944 году... Динамическое, солнечное, к морю, на запад, на просторы... Вот музыкальный настрой души... Некие мотивы...⁴

5. О возможности моего приезда⁵. Крепко учти следующее:

1) У нас есть ряд задач... Ты по речи т. Сталина от 6 ноября знаешь, что перед нами перспектива освобождения Ленинградской области и республик Прибалтики. Надо поработать.

2) У меня личные творческие планы на тему — писать здесь, в родной стихии. Отрыв на один-два месяца выбьет как раз в момент рождения новой пьесы.

3) Я сказал в 1941 году: «Поеду в Москву только на *прямой* „Стреле“». И это товарищи в Москве знают. Слово офицера твердо.

Ты все это *поймешь*.. И будешь верить, что «Стрела» придет — и мы с тобой встретимся, как и с дорогой Алисой, — как и в начале войны, на вокзале Октябрьской дороги... И это, должно быть, не за горами...

6. В грядущем, в боях за искусство — мы с тобой еще поработаем. Я чую, что война многое и мне и тебе дала внутренне... Ты был в Европе, в Южной Америке — теперь два года пробыл в Азии... Непрерывное наблюдение за жизнью, обогащение опытом... Ты увидел наш народ в глубинах, на новостройках. Многое почувствовал. Все более густой синтез жизни — внутри нас... И это обогатит новое искусство России — я верю, что послевоенная творческая жизнь будет гораздо бурнее, чем в 1912—1913, 1924—1930 годах... Очищенный, воодушевленный мир кинется в жизнь с востор-

гом, «буйством»... Будешь просыпаться утром: тихо, Гитлера нет, пространства открыты, Москве почет — и сам подпрыгнешь с кровати до потолка... Захочется поставить аховую, озорную комедию... В голову уже лезут разные темы, сюжеты... Ну, стоп пока!

7. Я живу жизнью напряженной... Выступаю, пишу, много — статьи, записи (уже 22 книги записей с 22 июня 1941), очерки etc. Читаю: от греческих философов до современных литературных журналов. Притаскиваю пачки книг из Публичной библиотеки... Езжу. Недавно был в Кронштадте и на ближних участках. <...>

Из Москвы писем немного: от А. Фадеева, от И. Альтмана (он все тот же — честный, боевой, горячий) ⁶, от «Знамени», из «Правды»... Пишут и из Алма-Аты.

8. Пиши мне, не ленись и не ссылайся: де трудности и «паровое отопление замерзло»... Пиши, как вы там с Алисой зимуете (по-самоедски?..) *Как твое здоровье? Как здоровье Алисы?..*

Итак, жду подробного сообщения о твоих премьерах; о твоих планах, чувствах, мыслях, о друзьях (их мало)...

Привет Алисе! (Мы с ней, с тобой после комиссара «Оптимистической» сделаем образ [военной и] *послевоенной женщины* с взбудораженной душой, проснувшимися новыми силами... Думаю, думаю...)

Целую. В с е в о л о д

Привет всей труппе!

¹ Машинописная копия этого письма Таирова сохранилась в его архиве (ЦГАЛИ, ф. 2328, оп. 1, ед. хр. 686, лл. 8—10). Оно прислано из Москвы, куда Камерный театр вернулся 24 октября 1943 г.

² Спектакль театра Краснознаменного Балтфлота «У стен Ленинграда» был доведен до генеральной репетиции, но в 1943 г. выпущен не был. Об этом В. В. Вишневский подробно пишет в своем дневнике:

«23 ноября. <...> В 7.05 начало спектакля (генеральная репетиция). Играли несколько связано. Волновались. Реакции в зрительном зале — непрерывные, особенно в третьем акте. В конце, на аплодисменты, давали 11 раз занавес. <...> Председатель Ленинградского управления Комитета по делам искусств т. Загурский поздравил и пригласил к себе на обсуждение спектакля 24 ноября в 5 часов дня.

Все разошлись... Совершенно неожиданно подбегает бледный Пергамент: член Военного Совета <контр-адмирал Смирнов. — Ю. К.> считает, что спектакль не вышел. И, как он сказал, „крепко не вышел“...

Едем домой с неприятным чувством удивления... Столько вложено сил!

24 ноября. Продумываю спектакль. Некоторые актеры „не вытянули“. Но в целом спектакль масштабный, острый, и никто в противном меня не убедит. <...>

Основные замечания: явный перевес отрицательных персонажей, образ комиссара скатился к шаржу, чрезмерна и вообще сомнительна роль князя Белогорского, офицера. Не хватает кадрового вида, массовкам — четкости, словом, замечания „служебно-строевые“. По их мнению, трагические дни сентября 1941 г. должны выглядеть на сцене обычно, „чисто“. Откровенный показ тягот, травм, трудностей и их преодоление — режет глаз и ухо <...>

Наплывают воспоминания прошлых премьер 1930—1933 гг.: трудности, муки, бой, дискуссии. Сейчас я воспринимаю все это спокойнее, привычнее. Но больно, очень больно! <...>

26 ноября. Весь день работал... От некоторых, явно обостренных ситуаций, от некоторой резкости приходится отказаться. Я четко поставил себе задачу: флоту, городу, театрам страны дать боевой, заражающий спектакль. Да это необходимо! Победная тема 1943—1944 гг. сейчас нужнее, чем анализ трагических дней осени 1941 г. Видимо, это действительно так. Об этой осени мы расскажем потом, после войны... Ввел *другого* комиссара, хоть и жаль мне расставаться с первым. *Заставила себя убирать из пьесы Белогорского*, так как кроме этого образ не хочу» (т. IV, стр. 442—444).

Работа над переложкой пьесы продолжалась и в 1944 г. К апрелю театр подготовил спектакль в новой редакции. Летом возник вопрос о поездке театра КБФ в Москву. В письме от 11 июля 1944 г. Вишневский сообщал Таирову:

«Рогов 30 июня смотрел спектакль в КБФ, отличная оценка. 8 июля спектакль смотрела группа из Всесоюзного Комитета. Отличные отзывы, поздравления etc.

Спектакль везут в Москву, к 20 августа — 1 сентября. Выезжает весь театр КБФ. Надеюсь, что ты и Камерный театр встретите братский» (ЦГАЛИ, ф. 2328, оп. 1, ед. хр. 802). Гастроли Театра Краснознаменного Балтфлота состоялись в Москве с 21 августа 1944 г. Московской публикой и прессой спектакль «У стен Ленинграда», по словам Вишневого (см. его дневник за август 1944 г.), был принят отлично.

³ Премьера спектакля «Раскинулось море широко» в Камерном театре состоялась 4 февраля 1944 г. Свое впечатление от постановки Таирова Вишневский отразил в дневниковой записи от 2 февраля: «В 12 часов — в Камерном театре на первом просмотре „Раскинулось море широко“. Борюсь с ассоциациями ленинградского спектакля. Московский спектакль более строг, это больше героическая комедия. Стилево сделан чисто, но мне не хватало балтийской прозрачности, воздуха...» (т. IV, стр. 512).

⁴ Возможно, что об этой будущей пьесе Вишневого говорил Таиров на встрече с моряками 25 мая 1944 г. в Москве: «Есть еще пьеса, которая еще не написана, но зреет в мозгу у Вишневого и в нашем замысле. Эта пьеса называется „Ребята возвращаются домой“» (цит. по стенограмме — ЦГАЛИ, ф. 2030, оп. 1, ед. хр. 129, л. 7).

Среди писем Вишневого к Таирову сохранились два листка, датированные 16 мая 1944 г., со следующим текстом:

«Ребята возвращаются домой». Героическая комедия в трех актах.

Тема: Победа. Москва объявляет о конце войны. Моряки и армейцы возвращаются домой. Прощания с друзьями... Приключение в пути (сюжетный драматический узел). Мысли народа о войне; итоги и перспективы. Новые строительства СССР. Место России в мире. Анекдоты войны. Qui pro quo. Встреча мужей и жен; женихи и невесты.

С кем и с чем хотят рассчитаться фронтовики... и т. д. Финал. Пьеса насквозь музыкальная — песни, ритмы войны. Танцы моряков, армейцев и т. д. — Вся пьеса очень динамична, *бравурна*... Местами будут знакомые персонажи из пьес Камерного театра» (ЦГАЛИ, ф. 2328, оп. 1, ед. хр. 802, лл. 9—10).

В письме Вишневого к Таирову от 11 июля 1944 г. есть абзац, явно относящийся к этой теме: «О комедии. Делаю заготовки, выписки. Читаю необходимые классические образцы. *Всю* комедийную линию Камерного театра проштудировал. Сделал анализ приемов, форм (будет интересная работа — для будущего). — Все теперь зависит от обстановки. Нужен месяц-два. Дадут ли писать — или придется идти в Таллин или Гельсингфорс?» Этих двух месяцев у Вишневого не оказалось. Началось успешное наступление наших войск, и замысел комедии остался неосуществленным.

⁵ Таиров в письме от 18 ноября 1943 г. усиленно звал Вишневого приехать в Москву: «Я хочу, чтобы, как во времена „Оптимистической“, мы вместе переживали минуты и удачных находок, и репетиционного подъема, и выпуска спектакля. Я хочу также, чтобы ты посмотрел генеральную „Моря“. Я хочу вообще, поскольку ты, к моей большой радости, вернулся, наконец, снова к драматургии, чтобы ты активно вошел в мою и Камерного театра работу».

⁶ См. письма к С. К. Вишневецкой, прим. 5 к п. 2.

* * *

Переписка Вишневого с Таировым продолжалась и в последующие годы. Основные темы его писем 1942—1943 гг. — ленинградская блокада, работа над пьесами «Раскинулось море широко» и «У стен Ленинграда» — находят свое частичное отражение и в письмах 1944 г. Как мы знаем из последнего публикуемого письма 1943 г., Таиров усиленно звал Вишневого приехать в Москву. Несмотря на нежелание, Вишневский вынужден был совершить эту поездку — по вызову, который, очевидно, был «организован» Таировым. В Москве Вишневский пробыл с 11 декабря 1943 г. по 4 марта 1944 г. За это время он много работал с Камерным театром над постановкой «У стен Ленинграда».

В этот период между Вишневым и Таировым возникли некоторые разногласия. Характерна в этом отношении одна из записей дневника от 20 декабря 1943 г.: «Другой режиссер — другие замыслы, решения. Всё же я вижу, что, не пережив блокаду Ленинграда, ему многого не понять». По-видимому, интерпретация пьесы театром Балтфлота была более близка ее автору.

Вернувшись в Ленинград, Вишневский продолжал работать над авторским «вариантом» для Камерного театра. В письме к Таирову от 11 июля 1944 г. он писал: «Над текстом работаю, нужно еще дней 5—7—10. Вышлю (или вручу твоим представителям). Театр будет иметь рукопись до отпуска. Сделай *сильную* экспликацию, *заряди* людей! Эх, что сейчас на Балтике! Огонь и гром. (Утопили за июнь 100 немецких и финских кораблей.)

Считаю нужнейшим *твоей*, Богатырева и художников приезд. Расскажу и покажу всё, что можно в два-три дня. Без твоего приезда — многое будет потеряно.

ТЕАТР КРАСНОЗНАМЕННОГО БАЛТФЛОТА

ПРЕМЬЕРА

Вс. Вишневский

У СТЕН ЛЕНИНГРАДА

Постановка заслуженного артиста РСФСР А. В. ПЕРГАМЕНТ

Режиссеры: Н. П. ВОРОБЬЕВ, А. В. ПЕРГАМЕНТ

Музыка: Л. К. ВИШНЕВСКИЙ

Художники: В. А. МОХОВСКИЙ, Д. И. ИВАНОВ

«У СТЕН ЛЕНИНГРАДА»

Афиша премьеры пьесы В. В. Вишневского в театре Краснознаменного Балтийского флота.
Ленинград, июль 1944 г.

Литературный музей, Москва

А осенью будет хмуро, дождливо и тебе „некогда“... Приезжай, родной мой!...<...>
Наш спектакль должен к 7 ноября звучать как:

1) Образ триумфа России — ее духа, умения, традиций, силы, хитрости.

2) Образ разгрома и морального суда над немцами... Дай к финалу массовку: ход немцев в плен, понурые, подняты руки... (идут вниз)... и ход русских вверх к победе!

Это, может быть, будет сильно, уместно... Твое мнение?»

Театр продолжал работать над пьесой, внося всё новые и новые поправки. Это, по-видимому, начало вызывать недовольство у Вишневского. По крайней мере, определенное раздражение звучит в его дневниковой записи от 7 августа 1944 г.: «Отказался от навязываемых мне Камерным театром переделок „У стен Ленинграда“. Хватит!» (т. IV, стр. 616). 7 ноября спектакль не был поставлен.

В письме от 17 ноября 1944 г. автор высказал ряд серьезных критических замечаний о «варианте», предложенном ему Камерным театром:

«Шлю „вариант Камерного театра“. Я считаю, что некоторые существенные детали из пьесы пропали. (Меж тем, они по времени ложатся в игру свободно.) Пропали некоторые юмористические и бытовые детали. Вообще как-то текст стал суше. *Задумайся над этим.* Некоторые перемонтировки удачны. Принимаю их. Жаль письма, сцены смеха; и финала второго акта. Присяга как концовка — довольно традиционна. (Она у меня была в 1930 году в „Первой Конной“ — тоже во втором, кажется, акте...) Ночной бой с автоколонной — *ново и типично* для 1941 года. (Замысел и мизансцены целиком тут мои, а не театра КБФ.)

Проверим ряд вещей в работе. Сидеть над текстом два года — я не могу. Нужны репетиции. Желаю успеха!»

В письме от 2 декабря 1944 г. Вишневский развивает эти же мысли и формулирует их более категорично:

«О спектакле... Я напряженно думаю и о нем... В тексте театр, к сожалению, вытравил (почти начисто) матросский юмор, некоторые грубости, солдатскую „соль“ и пр. Образ жены обесчеловечен. У нее начисто отняты малейшие женские признаки... Нет волнения мужа при встрече с женой. Нет одной из самых сильных (в чем я свято

убежден) сцен прощания... С этим мириться *не буду*. Вель ты же сам говорил своему театру: „Надо играть живого автора“... А живого автора вы режете, порой по неясным мне соображениям. Театр выкинул весь матросский диалог в третьем акте. Я долго бился на т. ним. Я нашел *предсмертный юмор*. Люти втявь и затаенно мечтают о будущем России. Прикрывают сознание неизбежной гибели юмором. Какой простор для режиссуры и актеров! Все это грубо зачеркнуто и заменено „полит“-диалогами. — К чему? Во имя чего?..

Выхолощен юнга... Тебе могли не нравиться его реплики, его интонации и пр. Но я думал, что *ты* уловишь: Всеволод пишет с натуры своего сына. Да, я его вот так точно посылал на расстрел зимой 1941 года, когда он сорвался. И это выправило его, поскольку он остался жив. Я о войне знаю много. Поверь мне. И этому поверила Балтика, поверил Ленинград, поверила и литературно-театральная Москва.

Есть еще ряд мыслей... О них в следующий раз.

Этого «слеющего раза», по-видимому, не было. Вишневский уезжает на фронт, он занят большой литературно-общественной работой (25 августа 1944 г. он был назначен ответственным редактором журнала «Знамя»); записи о работе для Камерного театра почти исчезают со страниц его дневника. Последняя запись на эту тему 17—18 февраля 1945 г. звучит так: «В 10 утра кончил всю работу для Камерного театра. Отправил. Премьеру „У стен Ленинграда“ Камерный театр выпустит и без меня» (т. IV, стр. 727).

На премьере, состоявшейся 23 февраля 1945 г., Вишневого не было. Но это не означало разрыва его с Таировым, отказа от старой дружбы. Просто перед ним встали новые, большие и сложные задачи, о которых он очень определенно и выразительно сказал в том же письме от 2 декабря 1944 г.:

«Я часто думаю о тебе... Я делаю все мыслимое в условиях войны и состоянии моих душевных и нервных сил, чтобы быть с тобой и помогать тебе, старому другу, чем я могу. Но — в жизни бывают многие и разнообразные „но“.

Я думаю: <...> Об определении своей *главной* функции в Москве, в стране. Эта функция: работать во имя интеллигенции, выступать, творить, писать, звать... напоминать интеллигенции о *высших* формах служения идее... Мои наблюдения в Москве, встречи и пр. с огромной силой утвердили меня в моем намерении. Я вижу, как я могу действовать, вижу воздействие своей работы, статей, речей и личного примера. Я сделаю его еще более смелым и совершенным.

Я не узкий профессионал-литератор. И это отлично. Я не смог отдаться „только“ кино, „только“ театру, „только“ прессе, „только“ флоту и пр. Я живу сложной, многообразной жизнью. Живу ею много лет — и буду жить».

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИЗ ПЬЕСЫ «РАСКИНУЛОСЬ МОРЕ ШИРОКО»

Эпизод, не вошедший в спектакль и в опубликованный текст *

К о р р е с п о н д е н т (*мохматый, в очках, влетает, задыхаясь*). Уф!.. Опоздал! Прибыли? Ну, конечно, катер уже у пирса! (*Налетает на Кедрова.*) Это вы?

К е д р о в. Думаю, что я. Лейтенант Кедров.

К о р р е с п о н д е н т (*в бешеном темпе*). Здравствуйте, тов. Кедров. Николаевский, специальный корреспондент. «Мих. Николаевский». Конечно, читали... Поздравляю вас, дорогой! Прошу вас быстренько суть операции, что-нибудь героическое. Какой-нибудь боевой эпизод, яркий, вкусный, со стойкостью, показом ненависти, но без шаблона, строк 50 на первую полосу... У меня провод...

К е д р о в. Простите, я не совсем понимаю...

К о р р е с п о н д е н т. Знаю, всё знаю. Герои не любят рассказывать о своих подвигах. Я вам помогу. Стервятники налетали?

* Публикуется по машинописному экземпляру, хранящемуся у А. А. Крона.

К е д р о в. Послушайте, что вы от меня хотите? Тут какое-то недоразумение...

Ч и ж о в (*подоспел*). Товарищ Николаевский! «Мих. Николаевский»! Как же, всегда с удовольствием слежу, читаю... Наш классик! Журналист! Сегодня роскошный материал для вашего пера. Как лицо, имевшее прямое отношение к обеспечению успеха операции, могу дать материал (*взял его под локоть*).

К о р р е с п о н д е н т. Позвольте, а товарищ Кедров?

Ч и ж о в. Ха-ха! Забавный случай. Опечатка. Просто связной катер. Вроде буксира... Отойдемте — многое не подлежит оглашению, но вам, как представителю прессы...

К о р р е с п о н д е н т. Именно... Быстрее... 50 строк. Наиболее героическое, запоминающееся. Стервятники налетали?

Ч и ж о в. Именно об этом я и хотел рассказать. Грузим боезапас. Когда я руковожу погрузкой — я стратег. Я обязан взвесить всё — характер операции, дальность, автономность, тактико-технические данные кораблей... Малейшая ошибка в обеспечении может грозить провалом.

К о р р е с п о н д е н т. Блестящая формулировка (*записывает*).

Ч и ж о в. Итак — погрузка. Вдруг — со стороны солнца выскакивает из облаков группа пикирующих стервятников, юнкеры!

К о р р е с п о н д е н т. И много?

Ч и ж о в. Юнкеров? Восемьдесят восемь. Или восемьдесят семь, не хочу соврать. Летит серия бомб. Бац, бац. Взрывы! Сотни осколков. Но я абсолютно спокоен, мое спокойствие заражает окружающих. Один огромный осколок пролетает в каком-нибудь сантиметре от моей головы и трах — врывается в десятикилограммовую жестянку. Бум! всё вдребезги, кругом валяются куски мяса...

К о р р е с п о н д е н т. В жестянке был динамит?

Ч и ж о в. Хуже! Мясные консервы! Я успеваю составить акт — как образцовый хозяйственник — и ровно в шесть ноль-ноль катера выходят в море...

К о р р е с п о н д е н т. Блестяще! Выходят в море, и... и — дальше? Вы в центре событий?

Ч и ж о в. Безусловно, всегда... Вы отметьте этот случай. (*В отдалении команда «Смирно!»*) Прошу прощения. Дела службы.

К о р р е с п о н д е н т. Какая колоритная фигура! Настоящий морской волк! Какие люди! Нет, мы не знаем наших людей!

(*Оркестр играет туш, на пирс летят бросательные концы.*)